

Марина Эргле

Тернистый путь

Пролог

Я стою на улице и не могу надышаться свежим воздухом... С неба падают крошечные снежинки, которые я ловлю ртом и испытываю от этого неподдельную детскую радость, словно мне лет шесть... Я смотрю на небо, и оно мне кажется настолько притягательным и красивым, что по телу бегут мурашки... Оно здесь совсем другое... Совершенно другое... Не такое, как там... Мне хочется взмахнуть крыльями и парить вместе с птицами, которые проносятся где-то далеко... Они свободны... Так же, как я теперь. А еще мне хочется бегать и кричать во все горло, что Я СВОБОДНА! Я СВОБОДНА!!! Это ведь не сон?

Я щипаю себя изо всех сил, закрываю и открываю глаза, но картинка не меняется! Я за пределами мрачных стен, я за пределами высокой колючей проволоки! ЭТОТ ДЕНЬ НАСТАЛ. И с этого дня начинается **НОВАЯ ЖИЗНЬ**. Я не хочу больше лезть в криминал, я не хочу больше никогда встречаться ни с одним человеком из этих стен. Я вычеркну к черту эти несколько лет моей жизни, как будто их и не было! Четыре года... А кажется,

как будто прошло полжизни... Но я забуду все! Сегодня я родилась заново! И что такое четыре года по сравнению со всей жизнью? Это просто какие-то ничтожные крохи... Я напрочь сотру из памяти эту адскую жизнь, которой я жила все это время!

Я чувствовала, как по моим щекам бегут горячие слезы... Мне даже не верилось, что не нужно будет вставать в шесть утра и идти на проверку, не нужно будет засыпать в душном бараке, где спят по пятьдесят человек, не нужно подчиняться идиотским правилам и вечно слушаться указаний Матильды. Не будет никаких ограничений... Я свободна... Черт побери, свободна!

— Ты Жанна? — перебил мои мысли гнусоватый мужской голос.

Я отвела взгляд от неба и посмотрела на человека, задавшего мне вопрос. Это был типичный бритоголовый «браток», который сидел в своей тонированной тачке и курил.

— Жанна... — спокойно ответила я.

— Че стоишь, морозишься, снежинки ловишь? Не май месяц, садись, — усмехающимся тоном произнес он и кивнул в сторону, указывая мне на открытую заднюю дверь машины.

— Я наслаждаюсь... — бесстрастным голосом проговорила я и вновь перевела свой взгляд на небо.

— Слышь, я все понимаю, красотка, сам не один срок мотал, но ты уж понаслаждайся потом, у тебя времени на это будет предостаточно, а сейчас садись в тачку и поехали. Хватит мне тут в дурку играть.

Я посмотрела на мужчину ничего непонимающими глазами. Я все еще никак не могла придти в себя и находилась в какой-то прострации.

— Я от Матильды, — как-то жестко сказал он. — Она мне сказала отвезти тебя туда, куда ты мне скажешь. Давай, соображай быстрее, у меня тоже куча дел, а приходится еще с тобой возиться. Прыгай в тачку и помчали, иначе я сейчас сам уеду, а то мне это на хрен все не сдалось.

Я недолго думая залезла на заднее сидение машины и назвала адрес Светки...

Сегодня воскресенье. Надеюсь, подруга будет дома, и мне не придется торчать часами возле ее подъезда. Кроме Светки мне больше некуда было податься... Конечно, я могла бы уехать в Кубинку повидать маму, но я еще не совсем пришла в себя, и мне нужно какое-то время, чтобы подготовиться ко встрече с ней и все постараться объяснить... А сейчас я была еще не готова, совершенно не готова...

Проезжая мимо различных улиц, я с открытым ртом смотрела на людей и на проезжающие мимо машины, словно этот мир я

видела впервые. Крошечными пушистыми хлопьями на землю падал снег, и мне казалось, что это самый красивый снег на свете...

— Приехали, — брякнул мордоворот.

Я посмотрела по сторонам и узнала Светкин подъезд. А здесь, собственно говоря, ничего и не изменилось за четыре года... Та же детская площадка, та же скамейка возле дома с урной, даже та же припаркованная белая машина возле подъезда, хозяином которой был какой-то лысоватый пожилой мужчина, проживавший в квартире напротив... Мне показалось, что и не проходило несколько лет, как будто я была здесь вчера... Только время года было тогда другое... Была теплая осень... А сейчас зима... Но самая лучшая зима на свете, потому что я на свободе!

Я вышла из машины и направилась к подъезду, даже не поблагодарив и не попрощавшись с мордоворотом, настолько я была в себе и в своих мыслях. Но не думаю, что он слишком расстроился по этому поводу: я сразу услышала, как взвыла его машина, и он умчался в неизвестном мне направлении.

Я осторожно подошла к двери подъезда и на домофоне нажала цифру 46... Через некоторое время я услышала знакомый женский голос и вздрогнула, не решаясь ответить.

— Алло! Говорите! Кто это?

После недолгой паузы, я все же неуверенно произнесла:

— Свет... Света, это я...

— Кто «я»? — не поняла подруга.

— Света, это Жанна... Жанна Шереметьева...

Часть I

Глава 1

Встав перед зеркалом, я внимательно и критично осмотрела себя с ног до головы. Передо мной стояла хрупкая девочка в сером приталенном платье до колен, которое, как мне казалось, очень подходило к моим таким же серым бездонным глазам. Глаза... Но почему они настолько большие? Они смотрятся просто огромными, совершенно непропорциональны моему лицу! Ну были бы они хотя бы чуть-чуть поменьше... Но увы, это нельзя исправить. Я такая, какая есть. Зато у меня красивые губки, как это говорили мне мальчишки в школе. Хотя верить им тоже нельзя... Болтать можно многое.

Мне что-то еще в себе не нравилось, но я не могла понять что именно. Распустив свои блестящие светло-русые волосы, я крикнула:

— Свет! А в универ нужно обязательно с хвостом идти или можно с распущенными?

Света высунула свой маленький носик из-за двери и, вытаращив на меня глаза, засмеялась.

— Ты же не в армии собралась служить! Конечно, можно! Что за глупые вопросы?

— Не знаю... Просто в школе Ирина Александровна запрещала девчонкам носить распущенные волосы. Говорила, что это мешает учебе...

— Я помню Ирину Александровну, тот еще тиран. И как ее вообще директором назначили? — улыбнулась Света. — В университете все иначе: носи что хочешь, в рамках разумного, конечно, учишься как хочешь, но главное — сессию сдавай, и сдавай ее вовремя. Это уже тебе не детский садик, никто присматривать за тобой не будет: ты учишься для себя, а не для оценок в дневник. У тебя теперь началась взрослая жизнь, — Света подмигивает мне. — А волосы лучше оставь распущенными, тебе так лучше. Настоящая красотка!

— Да ладно тебе... Нашла красотку... Я больше на маленького мышонка похожа... Волосы с серым отливом, серые глаза, такое же платье... Мышонок, одним словом.

— Дура ты, а не мышонок!

Света подошла ко мне сзади и приобняла меня за плечи.

— Посмотри на себя внимательней, глупенькая, — ласково проговорила она. — У тебя

невероятно красивые большие глубокие глаза, маленький детский носик, капризные пухлые губки! А твои светлые волосы, которые и вправду немного отдают серым цветом, наоборот, придают твоему образу еще более нежный вид! Ты хрупкая, красивая, нежная девочка...

— Я не хочу быть хрупкой и нежной! Я хочу, чтобы все меня боялись!

— Зачем тебе это?

— Я не хочу, чтобы, глядя на меня, каждый думал, что может легко меня обидеть. Я хочу производить впечатление сильного человека с железным стержнем внутри, а не нежной наивной недотроги...

— Главное — чтобы эта сила и железный стержень были у тебя внутри, а не снаружи, создавая только обманчивое впечатление...

Я внимательно посмотрела на Свету и улыбнулась уголками губ.

Эх, Света, Света, о чем ты говоришь? Вроде знаешь меня с пеленок, а на деле не знаешь совсем. Я бы все отдала за внутреннюю уверенность и силу, но где же мне ее взять? Я была бы рада и обманчивому впечатлению, чтобы окружающие воспринимали меня иначе, но здесь я бессильна. Мой внешний вид выдавал меня на раз-два. И меня это удручало.

Достав из шкатулки мамину золотую цепочку

и крестик, который она мне подарила перед моим отъездом, я надела его на себя и вновь посмотрела на свое отражение. Сжав крестик в кулак, я закрыла глаза и мысленно попросила Бога помочь мне. Я очень волновалась. Сегодня я впервые иду в свой университет. В высшее учебное заведение Москвы! Я переживала за то, что однокурсники не воспримут меня как равную себе, потому что я из далекого поселка, а они из столицы. Москвичи... Для меня это были люди другого уровня, себя же я считала безграмотной и необразованной деревенской девчонкой, даже несмотря на то, что в школе у меня были почти одни пятерки. Но после окончания школы прошел ведь целый год! Мне казалось, что за это время я многое забыла... Но несмотря на все свои переживания, я, конечно, безусловно, была счастлива, что поступила. Все-таки я буду жить в столице России, а не в своем жалком поселке, который мне просто осточертел. Я всегда хотела другой жизни, я всегда жаждала посмотреть мир. Но мы жили вдвоем с мамой, денег у нас не хватало, и ни о каком переезде и учебе не могло бы быть и речи... Если бы вдруг у моей подруги Светы трагически не умерла бабушка, я бы так и осталась в своей Кубинке. Как бы не ужасно это звучало, но кончина бабушки для меня была удачей, потому что Света, подруга моего детства, оставшись одна в пустой квартире, тут же

позвала меня к себе жить. Я переехала к ней сразу же и, к моему удивлению, даже без подготовки сдала экзамены и поступила. Уютная, хоть и недорого обставленная квартира Светы, как нельзя кстати находилась не так далеко от моего универа, в чем мне повезло дважды.

— Жанн, ну что ты так долго?! — уже начинала злиться Света. — Мы же можем опоздать! Тебе-то всего пару остановок, а мне гораздо дольше ехать!

— Прости, — виновато ответила я. — Я готова!

Это первое сентября значило для меня гораздо больше, чем все другие дни в моей жизни. Я чувствовала, что я на пороге чего-то совершенно нового. Внутри меня бушевали различные эмоции и чувства. С одной стороны, я была безумно рада тому, что я наконец вырвалась из своего «заточения» и смогу увидеть какую-то другую сторону жизни, мне страстно хотелось ее вкусить и взять от нее все, что она могла мне дать... Но с другой стороны, во мне было что-то вроде зловещего предчувствия... Мне казалось, что что-то необратимо произойдет и переломит все, в том числе и меня. И как бы это ни было странно, но я тоже хотела вкусить и эту сторону жизни, мне хотелось разгадать эту загадку, которая вызывала в моей душе хаос. «Что может произойти со мной? К

чему это странное ощущение?» — раз за разом спрашивала себя я, но ответа не получала. Оставалось только ждать и все увидеть самой. Конечно, возможно, мое воображение играло мной, но внутри какой-то тихий голосок подсказывал, что это не так... И это пугало меня.

Подойдя к метро, я вдруг остановилась и встревоженным взглядом посмотрела на Свету.

— Ну, в чем дело? — спросила она меня.

— Я очень волнуюсь, — робко ответила я.

— Перестань, все будет нормально, — подбодрила меня подруга.

— Представь, там будут почти одни москвичи, а я, получается, лимитчица.

— Не переживай, ты там такая будешь не одна, — засмеялась Света, — Пол-Москвы приезжих! Если не больше... И у тебя же на лице это не написано!

— А мне кажется, что написано, — тяжело вздохнула я. — Городские все такие стильные, уверенные в себе, а я...

— Да брось ты! Что за глупости?! — возмутилась Света. — Все люди разные! Не выглядишь ты как деревенская девочка! Все будет хорошо!

— Знаешь, мне было бы гораздо проще, если бы мы учились в одном институте...

— Мне бы тоже хотелось, чтобы мы учились в

одном месте. Но, увы, медицина тебя не интересует, а меня несколько не привлекает выбранная тобой профессия. Я бы не хотела быть каким-то непонятным туроператором, который сидит в своем агентстве и уговаривает людей потратить деньги на совершенно бесполезное дело. Вот медицина — это достойное занятие, помогать людям — это мое призвание.

— Ты не права! Я не буду «каким-то туроператором»! Я буду планировать и разрабатывать туристские маршруты, это очень интересно! А заодно побываю практически во всех известнейших странах мира! Эта моя мечта! За всю свою жизнь до приезда в Москву я видела только соседнюю деревню, а весь мир такой большой и необъятный! И мне нужно обязательно его посмотреть! А ты так всю жизнь и просидишь в какой-нибудь больнице со шприцами, таблетками и вечно ноющими пациентами, которые тебе со временем просто осточертеют!

— Не говори глупости, — рассмеялась Света. — Я тебя старше на три года и жизнь все-таки получше знаю... Мне моя работа не надоест, в этом я уверена... А вот ты к тому времени как окончишь университет, влюбишься и выскочишь замуж, родишь ребеночка и на своем «великом путешествии по всем странам мира» поставишь большой крест.

— Неправда! Я вообще не собираюсь выходить замуж! Это глупо. Я хочу стать успешной деловой женщиной, и мужчина мне не нужен. И влюбляться я ни в кого не собираюсь. Влюбленность — это просто самовнушение, обман. Любви нет — и для меня это факт. Я не спорю, есть как его... это... сексуальное влечение, — почему-то еле выдавила из себя я и добавила, — но это просто естественная потребность человека, а в особенности мужчины.

— Перестань! Мне не нравятся твои разговоры!

— Да ладно тебе, Свет, это же правда. На самом деле это все, что испытывает человек. Кто-то путает это с любовью, чтобы оправдать свое животное начало. Якобы «я не этого хочу, а любви»! Парни в этом более грамотные и пользуются этим, обманывают девушек, чтобы затащить их в постель... А от незнания простой истины, что любви нет, девушки страдают от непонимания и обиды, заливая свои подушки никому уже не нужными слезами. Я тоже теперь грамотная в этом вопросе, и ни один подонок не заставит меня плакать...

— Нет, все не так, — не согласилась со мной Светка. — Ты так рассуждаешь из-за своей глупости, которую ты совершила.

— Я не совершала никаких глупостей! —

разозлилась я на подругу, которая вновь мне напомнила о Глебе.

— Да? А что тогда это было? — язвила она.

— Это был мой жизненный опыт, благодаря чему я стала смотреть на этот мир взрослыми глазами и все понимать.

— Я не считаю, что вот так переспать с каким-то проходимцем — это просто жизненный опыт. На самом деле — это твоя глупость и неопытность. Так распорядиться со своей девственностью... — Света покачала головой, что меня еще больше взбесило. — Ты слишком наивна. Как ты могла поверить ему, он же в Кубинке самый первый бабник! Поклялся в вечной любви, а ты и растаяла! Я от тебя такого не ожидала.

— Я тоже от тебя не ожидала, что ты будешь меня постоянно этим упрекать! Я бы могла тебе вообще об этом ничего не рассказывать!

— Да, интересно и кому бы ты тогда стала плакаться, после того как он тебя бросил?

— Если бы знала, что ты такая стерва, то уж точно не тебе.

— Ладно, извини, просто ты мне слишком дорога, и я переживаю за тебя и за твою дальнейшую жизнь. Ты обожглась, совершила ошибку и сделала совершенно не те выводы. Любовь — есть, и есть ошибки, которые мы совершаем, и есть мерзавцы, которые нас

обманывают, а затем бросают. Но нельзя судить о жизни после первой неудачи.

— Почему нельзя? Очень даже можно. И я считаю, что я права! Нет любви — нет боли, и никто меня никогда не обманет! А этот секс, — опять еле выдавила из себя я, — мне тем более не нужен... Никогда не думала, что это так противно и унижительно. Если бы знала об этом заранее, никогда бы не согласилась! Это ужасно! Зачем вообще девушки этим занимаются?!

— Никогда не думала, что ты будешь так рассуждать... Секс — это прекрасно, — как естественно в словах Светы звучало слово «секс», — Это слияние душ и тел, если, конечно, секс происходит по любви. Я уверена, что ты изменишь свое отношение к этому, когда время избавит тебя от той боли и обиды, что причинил тебе Глеб. Я согласна: то, что он сделал с тобой — это ужасно... Но бывает совершенно по-другому...

— Я не хочу больше ничего об этом слышать! С меня хватит!

— Хорошо, я не буду больше с тобой спорить, — вздохнула Света и печально улыбнулась мне в ответ.

Зайдя в университет, я подошла к расписанию и посмотрела, в какой аудитории у меня собрание. Подойдя к нужному мне кабинету, я сделала

большой вдох и медленный выдох. «Все будет хорошо», — попыталась убедить себя я и вошла.

В аудитории сидело человек двадцать: кто-то общался между собой, кто-то сидел молча, а кто-то занимался своими совершенно посторонними делами. Я робко прошла и села на последнюю парту. Сейчас мне почему-то хотелось быть как можно менее заметной. Но как только я полезла в свою сумку за тетрадкой и ручкой, я услышала громкое:

— Привет!

Я в недоумении подняла глаза и уставилась на парня, который сидел впереди меня.

— Привет, — тихо произнесла я.

— Как тебя зовут?

— Жанна... — я прикусила нижнюю губу, совершенно не готовая к общению с незнакомым человеком.

— Какое красивое имя. А меня Олег.

Не зная как себя вести, я почему-то смущенно улыбнулась и кивнула, опустив вниз глаза.

— А ты красивая. Жанна, — произнес Олег, как-то нарочито выделив мое имя.

Мне кажется, я покраснела, и мне это жутко не понравилось. Опять я кажусь невинной овцой, но все внутри меня сжимается, и я не могу ничего с собой поделать.

Я еще раз прикусила нижнюю губу и

посмотрела на своего нового знакомого. Он нагло не сводил с меня глаз, словно его забавляла моя реакция.

У парня были довольно милovidные черты лица, я бы даже сказала смазливые. Слишком смазливые. Наверно, именно такой тип парней называют «сладкими мальчиками». У него были белые блестящие волосы, которые так и сверкали при дневном свете, голубые, немного озорные глаза, за которыми, как мне показалось, скрывалась пустота. Даже если бы они были большими, его глаза никогда нельзя было бы назвать глубокими. По моему опыту, такие люди всегда отличались своей приземленностью и довольно ограниченным мировоззрением.

Слава богу, в аудиторию вошла преподавательница и начала вести собрание. Олег тут же отвернулся от меня, и я вздохнула с облегчением. Куратор нашей группы рассказала нам, в чем будет заключаться наша профессия, и как будут вестись занятия в нашем учебном заведении. Когда она закончила тему разговора, она тактично попрощалась и вышла из кабинета.

Как только за ней закрылась дверь, Олег вновь тут же обернулся ко мне и произнес:

— Может, по кофейку?

— Я... Э-э-э... — что-то несвязанное проговорила я от неожиданности.

— Это да или нет?

Я вновь прикусила нижнюю губу, и мой мозг стал судорожно думать. А почему бы и нет? Мне нужно заводить новые знакомства, новых друзей. Не буду же я ходить в своей группе одна, как белая ворона? Это отличный шанс вклиниться в новое общество.

— Да, — кивнула я и тут же подумала: «А есть ли у меня деньги на кофе?!»

Я полезла в кошелек, чтобы пересчитать свою мелочь.

— Да я угощаю, не парься! — со смешком произнес мой новый знакомый.

Я опять покраснела и тихо произнесла:

— Не надо... Я в этом не нуждаюсь...

Когда мы стали выходить из аудитории, Олега окликнула девушка. Я тоже обернулась и увидела, как блондинка с довольно пышными упитанными формами схватила его за руку. Я находилась недалеко, поэтому отчетливо слышала разговор.

— Олег, а ты куда? Я так рада тебя видеть... — она смотрела на него проникновенным заискивающим взглядом.

— Я в буфет. Кофе пить, — холодно ответил он.

— Я с тобой, — заявила она.

— Нет, — резко произнес он и одернул руку. — Я пью кофе вот с этой милой девушкой, —

Олег кивнул в мою сторону, — третий лишний нам не нужен.

Блондинка нахмурилась, стиснула зубы и злобно посмотрела на меня.

— Ты пойдешь пить кофе с этой серой мышью?

Я сжала кулаки и тут же выпорхнула из кабинета. Меня догнал Олег.

— Ты чего? Не обращай внимания на эту дуру! Это она от ревности. Она вообще чокнутая, я никак не могу от нее отделаться! Она даже поступила со мной на один курс, специально чтобы быть ко мне поближе. А мне она не нужна!

— Меня это не касается, — буркнула я.

— Так мы идем пить кофе?

— Да, пошли.

Мы сели за пустой столик в кафе, взяв себе по горячему бумажному стаканчику ароматного «Американо».

Не зная о чем поговорить, я все же спросила про ту девушку, что остановила его.

— А почему тебе не нравится та блондинка?

— Она не в моем вкусе, мне не нравятся жирные, — засмеялся он. — Но тут даже не в этом дело... Лариска — это наглая высокомерная девчонка, которая привыкла получать все, что только захочет. И я для нее просто очередная

прихоть. Ее отец... — Олег почему-то осекся и, посмотрев по сторонам, полупшепотом добавил, — криминальный авторитет... Я тебе серьезно говорю. А с ним шутки плохи. Зачем мне связываться с такой семейкой? Чуть что пойдет не так, она сразу «стуканет» своему отцу, и потом мне лежать в больнице с переломанными костями? Нет, спасибо. Конечно, с одной стороны, было бы круто иметь тестя криминального авторитета, — Олег даже мечтательно закатил глаза, — но я бы не хотел жениться на Лариске.

— А с чего ты взял, что она хочет выйти за тебя замуж? — удивилась я. — Ты же сам сказал, что ты просто ее прихоть...

— Да кто его знает, что именно ей от меня надо! Я знаю только одно: мне с ней лучше не связываться!

Допив кофе, мы отправились на пары. Я долго размышляла над разговором с Олегом. Слово «криминальный авторитет» почему-то не выходило у меня из головы. Наверно, потому что я никогда не интересовалась криминальными новостями и не совсем понимала, кто это такие — криминальные авторитеты.

После учебы меня караулила Лариса... Она была, видимо, со своей подругой, которая тоже училась в нашей группе: высокой худощавой девчонкой с непропорционально широкими

плечами и коротко стриженными черными волосами. Вместе, на мой взгляд, они смотрелись как-то комично...

— Эй, мышь! — «приветливо» окликнула меня Лариса.

Я остановилась, глубоко вдохнула и постаралась собрать всю свою силу в кулак. Посмотрев на девушку уничтожающим взглядом, я произнесла:

— Какое право ты имеешь так меня называть? — жестко сказала я, сама от себя не ожидая.

Лариса почему-то засмеялась, а ее темноволосая подруга тут же поддержала ее своим неестественным смехом.

— Слушай меня сюда, мышь, — испепеляющее произнесла блондинка, выделив свое последнее оскорбительное слово, — Еще раз увижу тебя рядом с Олегом — выдеру все твои патлы. Поняла?

— Нет, не поняла, — я старалась говорить спокойно. — Во-первых, я не мышь. Во-вторых, ты не имеешь права указывать мне, что мне делать. А в-третьих, этот Олег — не твоя собственность, — сказав это, я развернулась и ушла прочь.

Сердце мое бешено колотилось в груди от волнения и негодования. Да что она вообще себе позволяет? — возмущалась я. — Может быть, у

меня нет отца криминального авторитета, а точнее у меня нет вообще никакого отца, но это не дает ей никакого права оскорблять меня! Возможно, я и не сильно уверена в себе, застенчива и робка, но у меня есть чувство собственного достоинства, и я смогу постоять за себя, чего бы мне это не стоило!

Взвинченная, вся на нервах, я вернулась домой. Прижавшись лбом к дверному косяку, я сильно сжала кулаки, стараясь не заплакать.

— Что случилось? — тут же спросила меня Света. — Как все прошло?

— Не так, как мне бы хотелось, — раздраженно ответила я и все рассказала подруге.

— Да уж... — печально покачала она головой.

— Да я теперь специально буду общаться с этим Олегом! — гордо заявила я, — Не хочу, чтобы она думала, что я ее испугалась!

— Ты уверена, что он стоит того? — взволнованно спросила Света.

— Да причем здесь вообще он?! Я просто не хочу показаться слабой! Не хочу, чтобы меня считали робкой овечкой!

— Но этот парень-то хоть тебе симпатичен?

— Нет... — немного подумав, ответила я.

— Может тогда стоит оставить эту затею? Если эта сумасшедшая так его любит, что даже поступила с ним в один вуз, и так достает его, то, видимо, она готова на многое ради своей любви...

Не забывай, что от этого чувства многие люди становятся просто безумными... Будь осторожна.

— Бред какой-то, — фыркнула я. — Какая любовь? Вообще любви не существует! Не верю я в это. Ей просто хочется заполучить этого парня, потому что она привыкла получать все, что только захочет.

— Ну не знаю, не знаю... Это может быть и любовь. В любви люди становятся безумными... Но в ее случае это может быть как любовь, так и прихоть, что в сочетании — довольно ядерная смесь.

На следующий день Олег пригласил меня в кино. Я неохотно согласилась. Олег не был мне приятен. Это я стала осознавать довольно четко. Я никогда не знала, о чем с ним поговорить, не понимала, что у него на уме и скучала от его глупой, пустой болтовни. Олег был большим болтуном. В частности, он говорил только о себе, приукрашивая свои выдуманные достоинства и рассказывая неправдоподобные, скорее всего, вымышленные истории. Изредка он все же меня смешил. Иногда, как ни странно, он блистал остроумием, но это было настолько нечасто, что я воспринимала это как случайность, а не черту его характера.

На занятиях Лариса постоянно сверлила меня

своим злобным взглядом, словно представляла, как разрезает меня тупым ножом на мелкие кусочки. Она часто перешептывалась с подругой, иногда смеялась, но смех ее был больше похож на смех гиены.

Я старалась не обращать на нее внимания, но все же каждой клеточкой своего тела я ощущала ее жгучую ненависть... Так как я была, к сожалению, довольно чувствительной натурой, моя дальнейшая учеба в этой группе стала меня напрягать. И сколько я не старалась, я не могла понять эту девушку, которая так меня ненавидела. И где было ее чувство собственного достоинства, раз она так унижалась, бегая за парнем, которому она абсолютно не была нужна? Ларису я не понимала дважды: за лютую ненависть ко мне и за сумасшедшую любовь к особо ничем не примечательному Олегу.

Так как я продолжала общаться с Олегом (несмотря на то, что это было просто дружеское общение!), ситуация с Ларисой становилась хуже день ото дня...

Как-то раз Лариса подставила мне подножку, когда я возвращалась от доски на свое место. Я позорно распласталась прямо на полу, довольно сильно ударившись головой. Сначала я была просто в шоке, но придя в себя, я тут же поднялась и, сев на свое место, почувствовала, как внутри меня

что-то взорвалось. «Ну все... — пронеслось у меня в голове, — война так война!»

Спереди меня как всегда сидел Олег. Он обернулся ко мне и шепотом спросил:

— Милашка, ты не сильно ушиблась?

— Все нормально, — буркнула я.

После пары я тут же подлетела к Олегу и поцеловала его. Это был не порыв любви, а моя, как мне на тот момент казалось, безобидная месть... Все были слегка ошарашены моим поведением, а преподавательница по английскому языку, Светлана Николаевна, возмущенно воскликнула:

— Вы что себе позволяете?! Вы в учебном заведении находитесь или в ночном клубе?!

Олег немного отстранился от меня и засмутился, как ребенок.

— Жанка... ты чего... Не здесь же, — улыбнулся он.

В этот момент впервые я посмотрела на Олега с другой стороны и сочла его даже немного милым и привлекательным... Он застенчиво улыбался, обнажая свои ровные белые зубы, и было в этом что-то трогательное, детское...

Из аудитории мы вышли, держась за руки. И этот день мы провели вместе... И не потому что мне так хотелось насолить Ларисе — мне искренне понравилось общество Олега. Какие-то необъяснимые внутренние изменения произошли у

меня по отношению к нему.

Была прекрасная теплая осенняя погода, мы ходили по полупустынному парку, собирали разбросанные по земле золотые листья клена, делали из них большие букеты и швыряли их в воздух, купаясь под золотым дождем листьев. Я чувствовала себя счастливой и беззаботной. словно все проблемы отошли на задний план, время застыло, и я погрузилась в безмятежное детство, когда меня ничего не волновало, и радость приносили обычные банальнее вещи, которые со временем мы перестаем замечать в своей жизни...

От детства меня отделяли только жаркие поцелуи Олега, которые напоминали мне, что я уже давно не ребенок, а молодая девушка, которой был присущ всплеск определенных гормонов, что волновали все внутри, даже несмотря на печальный опыт своих прошлых любовных отношений.

Мы целовались, сидя на деревянной лавочке, в окружении желтых деревьев и разбросанных по земле листьев. Теплый ветерок слегка обдувал наши лица, будто лаская и добавляя этому дню еще больше романтики...

Что-то в душе у меня екало, я смотрела на Олега другими глазами.

— Мне нравится тебя целовать... — шептал он, глядя меня по волосам, — ты такая нежная...

В ответ я улыбалась и вновь подносила свои

губы к его губам, сливаясь с ним в поцелуе.

В этот день впервые за долгое время я пришла домой счастливая.

— Да ты вся светишься! — радостно воскликнула Светка.

— Я целовалась с Олегом, — смущенно проговорила я.

— Так он же тебе вроде не нравится? — удивилась подруга.

— Возможно, между нами сработала какая-то химия... — я пожалала плечами.

— Все, что касается чувств, ты пытаешься объяснить какими-то научными терминами, — недовольно хмыкнула подруга. — Как на это отреагировала Лариса?

— Не знаю. Но я думаю, что она наконец поняла, что вся ее травля ничем ей не помогла. А это главное.

— И надеюсь, ты не думаешь, что на этом все закончится? Возможно, после этого, наоборот, начнется настоящая война...

— Да что она мне может сделать? — отмахнулась я.

— Человек, которого переполняет любовь, ревность и ненависть, может быть способен на все... Жанна, у меня плохое предчувствие, я боюсь за тебя...

На следующий день Олег принес мне здоровый букет больших ярко-красных роз. Восторг застыл в моей душе. Мне еще никто не дарил столько цветов! Признаюсь честно, мне вообще почти не дарили цветов...

В этот день я впервые прогуляла пары — мы пошли в театр на Ромео и Джульетту по билетам, заранее купленными Олегом. И как бы мне ни было стыдно, но в театре я тоже была впервые. В нашей Кубинке, к сожалению, не было ничего подобного... Я восхищалась, как ребенок! Игра актеров была великолепной! Все поразило меня до такой глубины души, что под конец спектакля я расплакалась и уткнулась в плечо Олега. Он был очень удивлен моим проявлением чувств, не поняв, что меня так поразило. Сам Олег к постановке относился очень саркастически, поэтому я не совсем понимала, почему он купил билеты именно на этот спектакль, раз ему он не так уж и нравился.

После окончания пьесы мы сели в буфет. Олег заказал мне клубничное мороженое. Мы болтали о какой-то ерунде, как вдруг он положил мне руку на руку и томно произнес:

— Ну когда же ты будешь моей...

От неожиданности я чуть не подавилась и тут же застенчиво опустила вниз глаза.

Я даже не задумывалась о том, чтобы заняться с Олегом сексом. Я не хотела этого. Мысли об этом

у меня вызывали только отвращение. Мой небольшой опыт в этом вопросе принес мне только боль, унижения и страдания. Я пообещала себе, что больше ни одному мужчине не позволю такое сделать с собой. И своему слову я собиралась остаться верна.

Глава 2

Сегодня впервые в жизни я надела мини-юбку и каблуки на шпильках, которые мне дружелюбно одолжила Света. По ее словам, во всем этом я выглядела сексуально. Я долго не решалась на такой наряд, но Света меня убедила, что в клубы одеваются именно так. Мои «монашеские» платья, по ее мнению, совершенно не подходили для клубной вечеринки. Мне ничего не оставалось делать, кроме как смириться, ведь все-таки Света больше меня разбиралась в этом. Я никогда не была в клубе. Для меня самым большим развлечением в моей жизни являлась кубинская дискотека, которую я посетила все-то пару раз.

В этот день мы с группой отмечали посвящение в студенты. После скучного сбора в актовом зале, где нам вручили какие-то глупые медальки, мы разошлись по домам и договорились вечером встретиться в ночном клубе.

У меня было странное нервное возбуждение, с

которым я пыталась справиться, но мне это очень тяжело давалось.

Пройдя фейсконтроль, я зашла в клуб и чуть не задохнулась от клубов сигаретного дыма, царящего в воздухе. Пытаясь через мелькающую светомузыку разглядеть, где были мои одноклассники, я стала пробираться через сумасшедшую толпу всюю отрывающейся молодежи. Наконец я все же нашла своих ребят, среди которых, слава богу, не было Ларисы и ее подруги. Одноклассники уже всюю пили, танцевали, общались и «жгли». Олег угощал меня шампанским, а сам пил какие-то странные поджигающиеся коктейли.

Вскоре я все-таки увидела Лариску и ее извечную подружку Веронику. Они весь вечер сверлили меня своим злобным взглядом. Я старалась держаться как можно более непринужденно, словно мне было на них наплевать. Я специально вызывающе целовала Олега в губы, чем дразнила его недвусмысленный интерес ко мне, и когда его рука нагло полезла ко мне под юбку, я тут же инстинктивно оттолкнула его и не нашла ничего лучше, как пойти на танцпол.

В толпе танцующей молодежи я вдруг столкнулась со своим бывшим одноклассником — Матвеем. Эта встреча была для меня неожиданной и крайне неприятной. С Матвеем у меня были

всегда очень плохие отношения, мне приходилось «воевать» с ним на протяжении всей нашей учебы. А все из-за того, что когда в восьмом классе его перевели в нашу школу, он влюбился в меня, а я по глупости высмеяла его чувства, потому что все это казалось мне ерундой. И после этого он меня возненавидел.

— Здорово, Жанна! Ты какими судьбами здесь? — спросил Матвей, стараясь перекричать музыку.

— Привет! Я вообще-то здесь теперь живу!

— Надо же! А как же твоя работа в обувном магазине у нас в Кубинке? — съязвил Матвей.

— Эта работа в прошлом! Я больше не хочу об этом вспоминать!

— Значит, ты решила, что достойна большего, чем помогать своей двоюродной сестре обувать кубинцев?

— Я ничего не решала, я всегда знала, что достойна всего самого лучшего, что может предоставить мне жизнь, — с вызовом ответила я, но все равно, как мне показалось, немного покраснела. И очень сильно надеялась, что Матвей ничего не заметит.

— Да? И почему же тогда наша «достойная леди» провела целый год, торгуя обувью в дешевом магазине? — продолжал язвить он.

— Что ты прицепился ко мне?! — взбесилась

я. — Ну не поступила я в том году, и что теперь? Главное — сейчас я живу в Москве и учусь в университете!

— Да ладно тебе, остынь, — усмехнулся Матвей, — Не поступила она... У тебя просто не было денег! Не знаю, кого ты там ограбила, но все равно у тебя здесь ничего не получится, вернешься обратно в Кубинку. Потому что у тебя на лице написано: «неудачница»!

Сама не ожидая от себя, возможно, во мне играло выпитое спиртное, но я вlepила своему бывшему однокласснику хорошую пощечину и уже хотела идти, но, разворачиваясь, я увидела, что рядом со мной стоят Лариса и ее подруга.

— Фу, так значит, ты еще и лимита? — спросила Лариса, ехидно улыбаясь. — Наверно, приехала покорять Москву?

— Да, лимита, и что? — с вызовом сказала я, повысив голос.

— Может, тебе стоит вернуться в свою Кубинку, пока не поздно?

— Заполонил тут всякий сброд Москву, аж дышать нечем, — поддержала ее вторая.

Я сильно сжала кулаки.

— А с чего это мне нужно вернуться в Кубинку? Мне и здесь хорошо.

— Москва для Москвичей! — парировала Лариса. — А не для таких, как ты! Никогда не

думала, что Олег может позариться на такую деревенскую бабу! Может быть, он тебя еще просто не трахнул и никак не может успокоить свой интерес, поэтому и таскается с тобой?! Может, ты еще просто целка?

У меня было такое чувство, словно на меня вылили ведро ледяной воды. Я еще сильнее сжала свои кулаки и сквозь зубы произнесла:

— Да когда же ты успокоишься? И если хочешь знать, я уже спала с Олегом, и все у нас было прекрасно! — солгала я. — А тебя он терпеть не может! Он устал от твоей унижительной беготни за ним! И по поводу деревенщины... Ты знаешь, уж лучше быть деревенской красавицей, чем городской уродиной, какой являешься ты и твоя такая же страшная подруга!

После моих слов они, как в сговоре, напали на меня. Лариска вцепилась мне в волосы, а ее подруга схватилась за мою одежду. Это было для меня крайне неожиданно, но инстинкт самосохранения среагировал быстрее, и я, естественно, стала оказывать сопротивление. Я пыталась одновременно высвободиться из их цепких рук и нанести удар одной из противниц. В итоге Лариса, вцепившаяся мне в волосы, стала изо всех сил пытаться мне их вырвать. Мне показалось, что она действительно это сделает, потому что у меня сильно заболела кожа головы, и я почувствовала

адскую боль. У нее оказались сильные цепкие руки. Я начала кричать и пытаться ногтями впиться в ее кожу, чтобы она отпустила мои измученные волосы. Ника начала трепать меня за одежду и кричать благим матом. Я почувствовала, как рвутся пуговицы на моей блузке.

Вокруг нас собралась толпа, мы оказались в центре круга. Но никто не подошел и не попытался разнять нас. И ДАЖЕ ОЛЕГ СТОЯЛ В СТОРОНЕ и просто наблюдал за происходящим. А всей остальной толпе было очень весело наблюдать за «представлением». Они смеялись, показывали пальцем и что-то громко кричали, отвечивая различные шутки.

Я уже еле сдерживала слезы и продолжала отбиваться от этих сумасшедших. Вскоре меня повалили на пол. Лариса уселась на меня сверху, придавив мне руки, и начала изо всех сил бить меня по лицу. Ника усердно держала мне ноги, чтобы я не вырвалась. В тот момент я думала, что они просто напросто искалечат меня на глазах у этой развлекающейся толпы, для которых это зрелище было отличной забавой. Но все-таки вскоре кто-то из охраны этого заведения оттащил этих двух ненормальных от меня.

У меня не было сил даже встать. Во рту я почувствовала привкус крови. Я пролежала так какое-то время, стораю от унижения и чувства

жалости к себе, пока кто-то не помог мне встать и не проводил меня в дамскую комнату. Чуть позже я поняла, что это был Олег. Он что-то говорил мне, пытался меня успокоить, но я не слышала его. Это было состояние шока.

— Это женский туалет, я подожду тебя снаружи, — пробормотал он и ушел.

Стоя на ватных ногах перед раковиной, я включила холодную воду и подставила под струйку свое лицо. Раковина в ванной окрасилась в красный цвет. Умывшись, я посмотрела на свое отражение в зеркале. Разбитое лицо, растрепанные волосы и порванная одежда... Я даже не знала, как мне в таком виде добраться до дома. Со мной не было даже моей сумочки. А в ней мой паспорт, деньги и телефон.

Нужно было набраться смелости, вернуться в зал и поискать свою сумку.

Взглянув на свое отражение в зеркале еще раз, я набрала в грудь побольше воздуха и пошла искать потерянную вещь.

Олега возле двери в уборную уже не было. Я прошла дальше вглубь зала. Те, кто встречался мне на моем пути, либо смеялись, либо посылали в мою сторону сочувственный взгляд.

Внимательно осмотрев то место, где на меня напали эти девицы, я не обнаружила там своей пропажи. Но кто-то окрикнул меня и пнул мою

сумку из-под своего стола ногой так, что она отлетела прямо ко мне. Я взяла ее и, не оборачиваясь, быстрыми шагами направилась к выходу. Меня догнал Олег.

Выйдя из злачного места, я опустила на корточки и разрыдалась. Парень, который когда-то был мне симпатичен, молча стоял рядом со мной.

— Вызвать тебе такси? — неуверенно спросил он.

Я подняла на него свои зареванные глаза и в сердцах прокричала:

— Почему ты ничего не сделал?!!

— Ну, когда бабы дерутся, лучше не лезть... — пробормотал он.

— Меня избили! — кричала я. — Избили на глазах у всех! И даже ты мне не помог! Да ты ничтожество!

— Ну что бы я сделал?! Ударил бы Ларису?! Я что, похож на самоубийцу?! После этого ее папочка закопал бы меня в ближайшем лесу. Я поэтому и избегаю ее, потому что жить еще хочу, я не дурак, чтобы играть с огнем! После нашего недолгого с ней знакомства, когда я еще думал раз-другой с ней переспать, раз она так стремительно лезла ко мне в постель, меня подкараулил ее папаня на своем здоровом джипе и затащил меня в машину. Этот жлоб с холодными глазами убийцы пригрозил мне, что если я хоть раз

обижу его дочь, то сам обиженным стану! А ты хоть понимаешь, что он имел в виду?! Я-то понял, не дурак. Прикинул что к чему и решил свалить. Ее папочка сказал мне, что я могу общаться с его дочерью, только если я имею самые серьезные намерения. Я наплел ему, что не совсем уверен в своих чувствах и не хочу рисковать. После этого я удрал и старался держаться от его золотой дочурки подальше. А эта дура каким-то образом узнала, куда я поступил, и увязалась за мной! Жить мне не дает, сука. Вот сейчас и тебе досталось. Знаю, что из-за меня. Ну что поделать, если я такой, что все девчонки сходят от меня с ума и даже устраивают из-за меня драки? Я же не виноват, что родился таким красавцем, — с чувством переполняемой его гордости самовлюбленно произнес Олег.

— Да, Олег, ты не виноват, что родился таким идиотом, — холодно произнесла я, достала телефон и, вызвав такси, не раздумывая поехала в отделение полиции.

Там с меня сняли побои и дали написать заявление. Сотрудники полиции даже довели меня до дома.

Еле-еле перебирая ногами, я дошла до своей квартиры. Дрожащей рукой открыв дверь, я сразу наткнулась на испуганное лицо Светки.

Она вскрикнула и со слезами бросилась мне на шею:

— Жанна! Боже мой, Жанночка! Что же это? Что случилось?!

Я не смогла произнести ни слова. Прильнув к ней как можно сильнее, я начала плакать. Светка же в свою очередь, прижимая меня к себе, как своего родного ребенка, стала рыдать навзрыд вместе со мной. Я поняла, что если я сейчас не возьму себя в руки, то нашим рыданиям не будет конца. В Светкином воображении, наверно, промелькнули такие картины, которые повергли ее в настоящий ужас. Но ведь на самом деле не все так плохо... Я жива, меня не изнасиловали и не переломали мне все кости. Ну, подумаешь, разбитое лицо и изорванная одежда. Лицо заживет, а одежда не стоит того, чтобы из-за нее переживать...

Немного отстранившись от рыдающей подруги, я слегка встряхнула ее и тихо произнесла:

— Свет, ну все, хватит... Со мной все в порядке. Перестань плакать, пойдем в дом.

Света вытерла слезы и несколько раз кивнула головой в знак согласия. Она, ни о чем не спрашивая меня, побежала в ванную комнату и стала набирать воду. Не пожалев душистой пены и различных масел, она набрала полную ванную с приятным ароматом различных добавленных в нее душистых успокаивающих трав. Я с блаженством занырнула в эту благоухающую воду.

Света села рядом со мной на стульчик и стала

осторожно поливать мою голову теплой водой, при этом бережно разглаживая мои волосы. Светка, как заботливая мама, помогла мне вымыть голову. За все время моего купания она не задала мне ни единого вопроса. Она видела, что я еще не готова говорить. Только когда на мои плечи был накинут теплый махровый халат, мы уселись на кухне, и я рассказала ей все сама. Света внимательно меня слушала, ни разу не перебив. Она, широко распахнув глаза, то и дело приоткрывала рот от удивления и возмущения.

— Завтра с полицией мне нужно будет приехать в свой универ и опознать этих двух, — вздохнула я, покусывая губы. — Вот так, Свет, началась моя «новая жизнь». А я так была счастлива, Света!.. Но счастье оказалось слишком быстротечным и обманчивым. Оно утекло из моих рук так внезапно, как будто это были капли воды, которые просачиваются сквозь пальцы... Меня унизили перед огромной сумасшедшей злобной толпой знакомых и незнакомых мне людей... Как мне теперь идти на учебу и смотреть в глаза своим одноклассникам? Они все были свидетелями этой картины... И никто, понимаешь, НИКТО не подошел мне помочь! Даже Олег! Олег, к которому я начинала питать теплые чувства, который каким-то образом умудрился растопить мое сердце! А эта безмозглая толпа низких людишек... Они все

только надсмехались надо мной и кидали в мою сторону острые шуточки! Представляешь, какие это люди?! На их глазах избивали человека, а они смеялись! — мой голос стал прерываться и дрожать. — Нет, Свет, это — не люди! Их нельзя назвать людьми! Нельзя!!! — я чувствовала, что я нахожусь уже на грани истерики, но остановиться не могла. Мне нужно было выплеснуть все свои негативные эмоции, которые все это время я сдерживала у себя внутри. Я разрыдалась, одновременно крича и вытирая слезы.

Светка подошла ко мне и обняла, пытаюсь успокоить.

— Ну ничего, Свет, я им еще всем покажу, — вдруг сказала я. — Хватит уже быть тихой овечкой и недотрогой, которую каждый может обидеть! Им не сойдет это просто так с рук! Я буду бороться! Я стану другой, в конце концов! Я буду сильной! Я отомщу!

Глава 3

Утро следующего дня было для меня испытанием. Я внимательно осматривала свое лицо в зеркале. От вчерашней красоты, которую я так усердно старалась навести, чтобы не отставать от элегантных девиц Москвы, не осталось и следа. Напротив меня стояла какая-то незнакомая мне

девушка. Ее лицо пугало меня... Одна бровь была немного припухшей, и на ней красовалась ссадина, обрамленная розовато-синим цветом. Разбитые губы отеки, словно я недавно вкачала в них ботокс. Волосы после вчерашней трепки стали заметно выпадать. Еще вчера в ванной я обнаружила большой клочок своих волос, а сегодня утром моя подушка была просто усыпана ими.

Нанеся как можно больше тонального крема, я надела большие темные очки, которые мне одолжила Света, и распустила волосы, чтобы мои увечья были как можно меньше заметны. Но, конечно, мои разбитые губы было трудно спрятать... С этим уже ничего не поделать.

Собравшись, я стала ждать приезда полиции. Они сказали, что заедут за мной в половине девятого. Вскоре я услышала, как к моему подъезду подъехала машина. Выглянув на балкон, я разглядела ментовский уазик и, тяжело вздохнув, вышла из квартиры.

Приехав в свой университет, я на ватных ногах, дрожащих от волнения, в сопровождении полиции прошла в аудиторию, где у нас должны были проводиться занятия. Сердце билось с бешеной скоростью, и казалось, что вот-вот выпрыгнет наружу. Как только я вошла, тут же воцарилось молчание. Но вскоре студенты стали перешептываться между собой. Олег от испуга

даже немного залез под парту, словно полиция пришла за ним. Я усмехнулась его тупой трусости. И как мне мог нравиться этот человек? — не верилось мне. Лариса и Ника сидели вместе на переднем ряду. Лицо Ники стало каменным, а глаза округлись от страха, но Лариса, наоборот, вела себя как ни в чем не бывало, нагло жевала жвачку и ухмылялась. Предварительно сделав глубокий вздох, чтобы хоть как то успокоиться, я указала на них.

Лариса, все так же жуя жвачку, встала и, упершись руками в бока, заносчиво проговорила, обращаясь ко мне:

— Тебе было мало вчерашней трепки, мышь?

Ника, сидящая рядом с ней, заголосила:

— Это не мы! Она все лжет!!!

— Заткнись, — резко перебила ее Лариса.

Я, стараясь не обращать на их слова никакого внимания, еще раз подтвердила полиции, что это именно они. Сотрудники в свою очередь грозно сказали:

— Пройдите с нами, девушки.

— Да ты что, вообще охренел, козел?! — нагло возмутилась Лариса, — Да ты хоть знаешь, кто я? Знаешь?!

Мент подошел к ней и, жестко схватив ее за руки, потащил к выходу. Она еще оказывала сопротивление и истерично кричала, но их силы

были неравными, и ей пришлось подчиниться. Ника оказалась более покладистой и трусливой, ей не потребовалась помощь, чтобы последовать за своей подругой.

После долгих допросов, я приехала домой уставшая и рухнула на диван.

— Ну все, теперь вы у меня попляшете, — устало произнесла я и уснула, даже не раздеваясь.

На следующий день, проснувшись рано утром и приняв душ, я собралась с мыслями и решила пойти в университет. Голова болела, ничего не хотелось делать, но я пересилила себя, собрала всю волю в кулак, оделась и вышла из квартиры.

Но войдя в аудиторию, в которой у нас проводились занятия, я чуть не ахнула.

Ника и Лариса сидели там как ни в чем не бывало на своих местах. Видимо, я плохо разбиралась в законах, но я была уверена, что полиция не отпустит их. И что одну ночь, по крайней мере, они проведут в тюрьме, где им было самое место. Увидев меня, они стали ядовито улыбаться и смеяться. Ничего не понимая, я тут же набрала номер следователя, который работал над моим делом.

Как мне показалось, мой звонок привел его в растерянность.

— Виталий Андреевич, я не могу понять, в чем дело?

— А что случилось?

— А Вы не знаете? Почему эти преступницы на свободе?!

— Э-э... понимаешь, Жанн... — начал он и запнулся.

— Нет! Не понимаю! Я ничего не понимаю! — начала кричать я, чувствуя, что в любой момент у меня может начаться истерика.

— Жанна, я прошу тебя, успокойся... Следствие выяснило, что эти две девушки к совершенному преступлению не имеют никакого отношения... — в голосе следователя не было никакой уверенности, он говорил каким-то приглушенным тоном. — В связи с этим я бы попросил тебя придти ко мне и забрать свое заявление...

— Что?! — я не поверила своим ушам.

— Жанна, поверь мне, так будет лучше... — сказал он и повесил трубку.

Я стояла ни жива ни мертва. Некоторые студенты при виде меня стали перешептываться и смеяться. Мне хотелось просто провалиться сквозь землю.

— Жанна! — вдруг услышала я.

Это была Лена, моя почти постоянная соседка по парте.

— Садись ко мне, Жанн, — произнесла она и слегка улыбнулась.

Поздоровавшись полумертвым голосом, я села рядом с ней и прошептала:

— Лен, я ничего не понимаю...

— А здесь и нечего понимать, — заговорщицки прошептала она, — Ты не тех решила проучить... — Лена замолчала и, вздохнув, продолжила, — Не простые это девчонки, понимаешь?... Ну, по крайней мере одна...

— Что это значит? — я сделала вид, что не соображаю, о чем она говорит, хотя прекрасно догадывалась, что Лена мне расскажет про «страшного» отца Ларисы.

— Жанна, у одной из них, а точнее у Ларисы, есть за чью спину спрятаться... — как-то загадочно произнесла Лена и, осторожно посмотрев по сторонам, она поправила волосы и добавила, — Ее отец занимает очень высокое положение... Если я не ошибаюсь, то по слухам, он... — девушка замолчала, снова с опаской оглянулась и продолжила, — он криминальный авторитет... Может, конечно, ребята, говорившие это, немного преувеличили, а может, и нет... Но после того как ты привела полицию вчера, все только об этом и говорят, и я думаю, что это не слухи... Уж больно быстро они вернулись из отделения полиции. По крайней мере, хоть сутки их там должны были продержат! Но нет... Так что ты подумай, лучше с ними больше не связываться,

тебе дорожке выйдет. Ты для них имеешь такое же значение, как назойливый таракан. Они тебя раздавят и на следующий же день забудут о тебе... А твоя жизнь будет уже неотвратимо сломлена... Я бы на твоём месте забрала заявление и перевелась бы в другую группу... И кстати, если ты это сделаешь, я переведусь вместе с тобой, я с ними учиться тоже не хочу... Мало ли...

Я не стала дослушивать Лену. Я встала со своего места и уверенным шагом подошла к Ларисе.

— Я все сделаю, чтобы ты и твоя подруга понесли наказание! — со злостью прошипела я. — И я не заберу заявление! Вы ещё получите своё!

Лариса только усмехнулась и посмотрела на меня уничтожающим взглядом.

— Это ты зря... Ты до сих пор не поняла, с кем ты связалась? По одному моему щелчку тебя сотрут в порошок. И мое терпение лопнуло.

Не произнеся больше ни слова, я встала и направилась к выходу.

Доехав до отделения полиции, я направилась в кабинет своего следователя. Он в это время пил кофе и смотрел в окно.

— Здравствуйте, — натянуто произнесла я, мой голос выдавал сильное напряжение.

Следователь вздохнул и, показав рукой на стул, произнес:

— Присаживайся...

Мы молчали какое-то время.

Виталий Андреевич медленно стучал пальцами по столу и кусал губы, затем вздохнул и все-таки произнес:

— Жанна... Давай не будем медлить. Забирай заявление — и дело с концом.

Я подняла на него свои воспаленные от волнений глаза и отрицательно покачала головой.

— Вы обязаны вести это дело, — глухо произнесла я чужим голосом, — Вы не имеете права вынуждать меня забирать заявление! И все улики есть! Вам достаточно просто устроить допрос в клубе, и этих двух тут же опознают!.. — мой голос дрожал и прерывался. — И я... я должна отомстить! Вы меня понимаете? Это не может остаться безнаказанным... Я знаю... Я все знаю, — продолжала я. — Я знаю, что у одной из нападающих отец — бандит... И Вы можете мне говорить все что угодно, но ведь дело-то в этом. Да, я простая девчонка, и у меня нет ничего за душой, но зато у меня есть гордость и...

— Гордость, — усмехнулся следовательно, передразнив меня. — Ну и что тебе даст эта гордость? Вообще, я советую тебе забыть это слово, по крайней мере в данной ситуации, иначе ты будешь иметь большие проблемы. Про свою гордость и честь будешь рассказывать своим

мальчишкам, а не здесь. Здесь она тебе не поможет и ничего не значит, как для меня, так и для тех, кто тебя обидел. В жизни бывают такие моменты, когда нужно стерпеть... Понимаешь, просто стерпеть...

— Да пошли Вы знаете куда! — вскипела я. — Не собираюсь я ничего терпеть! И от своего заявления я не отказываюсь!!! Приведите этих двух преступниц сюда и посадите их за решетку!!! Они должны быть наказаны за то, что они сделали!

— Глупая, ты хоть понимаешь, что с тобой может случиться, если ты не заберешь свое заявление? В лучшем случае его просто закроют из-за нехватки доказательств, а в худшем для развлечения что-нибудь сделают с тобой! Ты это-то понимаешь, глупая?!

— Да что они со мной могут сделать?! Убить, что ли? Из-за этого не убивают! А пакость они мне и так уже сделали, и я хочу с этим разобраться! Они должны получить по заслугам! Я просто так не сдамся!

С этими слова я вышла из кабинета и сильно хлопнула дверью. Телом снова овладевала дрожь. Я пошла и села в ближайшем парке, чтобы ее унять.

Я долго гуляла по городу в своих раздумьях.

Вернулась домой я слишком поздно, дверь в квартиру была открыта. Меня это взволновало. Я прошла внутрь и крикнула:

— Света! Свет, ты дома? Почему дверь

открыта?

Из ванной комнаты я услышала всхлип. Я побежала туда. Открыв дверь, я застыла от ужаса. На полу сидела Светка. Ее лицо было в кровоподтеках, одежда была разорвана. Я ахнула и закрыла рот ладошкой.

— Светочка... — только и смогла прошептать я, а из моих глаз брызнули слезы. — Светочка! — вскрикнула я и бросилась к ней. — Что случилось с тобой? Скажи мне!!! Что случилось?!!

Света не могла произнести и слова — она только рыдала навзрыд.

— Я... я — наконец произнесла она дрожащим голосом. — Я думала, это ты... и открыла... а это... это была не ты... Это оказались они! — Света стала рыдать еще больше.

Я, ничего не понимая, обняла ее и начала плакать вместе с ней.

— Света, ты вызвала полицию, скорую?

— Нет!!! — взревела она. — Я умоляю тебя, я прошу, только не это!!!

— Почему, Света? Почему?

— Они меня... Они меня изнасиловали... — безжизненным тоном произнесла она и сильно закусила губу.

Я была совершенно растерянна и не знала, что мне делать. Внутри меня все словно сжималось, и мне казалось, что я сейчас просто задохнусь. Я

собрала все свое самообладание в кулак и спросила:

— Света, скажи мне, ради Бога, кто это были?

Что им было надо, и как это произошло?

— Они думали, что ты... Это я... — тихо сказала она и уставилась на меня мертвым взглядом.

Внутри меня все перевернулось.

— Что ты имеешь в виду? — произнесла я и не узнала собственного голоса.

— Они думали, что ты — это я!!! — вскричала Светка и стала биться в истерике. — Я ненавижу тебя!!! — кричала она. — Это ты во всем виновата! Ты!!!

— Светочка, успокойся, пожалуйста, — взмолилась я, и из моих глаз брызнули слезы — Я ничего не могу понять...

— А что тут понимать?!! Да не писала бы ты свое долбаное заявление и вообще бы не связывалась с теми, кого нормальные люди обходят стороной, и ничего бы этого не произошло!!! Я ненавижу тебя!!! Слышишь?!! Ненавижу!!!

Мне казалась, что мое сердце сейчас выпрыгнет наружу и разобьется на тысячи мелких осколков. Волосы как будто встали дыбом от услышанного, а кожа рук и ног резко похолодела...

— Не может быть... — прошептала я глухим голосом. — Они сделали это из-за меня?...

В этот момент мне казалось, что я где-то

растворилась, и меня больше нет. Вернее, мне хотелось, чтобы так оно было. Но колючая реальность была перед глазами и не дала отключиться от происходящего. Боже! Что же делать?!!

— Света, — глотая слезы, произнесла я. — Я звоню в полицию.

— Не смей делать этого, — отчаянным голосом прокричала подруга. — Я это не вынесу... И еще... Я очень боюсь... Эти головорезы сказали, что мне вообще тогда не жить, если я обращусь в полицию. Жанна, они не шутили...

— Сколько их было? — мертвым голосом спросила я.

— Трое, — еле выдавила из себя она. — Я не знаю, как мне теперь жить... Не знаю...

— Света, прекрати! Это они еще попляшут, ублюдки!!! Я звоню в полицию!!!

Светка дала мне пощечину и сквозь зубы процедила:

— Я же сказала тебе — не смей! Я не хочу это никому рассказывать! Я не хочу, чтобы какие-нибудь холеные мужики в форме выпрашивали подробности, как меня насиловали. Это выше моих сил. Я представляю эту картину, и мне становится просто тошно... Представляю, как они ухмыляются, смотря на меня... Нет, я этого не выдержу! Тем более я ничего не смогу им

доказать... Кто я? Никто... А эти ублюдки небось непростые ребята! Знали, падлы, что им за это ничего не будет...

— Что же тогда делать? — отчаянье переполняло мою душу.

— Иди на кухню и достань из шкафа бутылку коньяка... Я смою с себя всю грязь... и приду...

Я вышла из ванной на ватных ногах, достала две рюмки и бутылку коньяка. Вообще я практически не пью, тем более крепкие напитки, но этот день был исключением. Мне все это время казалось, что я просто нахожусь в плену у страшного сна и все никак не могу проснуться. Вся жизнь в одночасье пошла наперекосяк... Что-то странное происходит со мной. Как же мне хочется побить себя по щекам и проснуться...

Налив себе полную рюмку коньяка, я выпила ее залпом и даже не почувствовала вкуса.

Просидев на кухне больше часа, я стала нервничать, что Светка не выходит из ванной. Может, она решила покончить с собой?

Я побежала к ней и стала со всей силы бить в дверь. Дверь в ванную открылась, и в ее проеме появилось бледное Светкино лицо.

— Ты что, с ума сошла? — уставилась она на меня.

Я обняла ее и всхлипнула:

— Я думала, что ты с собой что-нибудь

сделала... Уж больно долго тебя не было, Свет.

Мы пошли на кухню, Светка села напротив меня. Я разлила коньяк, и мы молча, не чокаясь, осушили свои рюмки. Кто бы мог подумать, что я буду вот так пить, даже не закусывая.

— В общем, — решила все-таки выговориться Света, тяжело вздохнув, — тебя долго не было... И... когда прозвенел звонок в дверь, я даже и не думала смотреть в глазок. У меня не возникло сомнений, что это ты. Я открыла, а на меня налетели трое парней. Один сразу дал мне оплеуху и прижал к стене, закрыв рот ладонью...

Света рассказала мне все, что с ней произошло. Пока я слушала, сердце мое вырывалось наружу, голова кружилась от волнения, и просто хотелось умереть... Моя подруга пострадала из-за меня. Возможно, этот случай навсегда искалечит ее душу, и она просто возненавидит мужчин. И не сможет иметь теперь с ними никаких близких отношений. Насколько я слышала, после изнасилования такое бывает. Жертва навсегда остается жертвой и не может жить полноценной жизнью, не хочет и боится взаимоотношений с мужчинами. А Света всегда так хотела любви, семью и детей...

Мы просидели на кухне, пока не стало светать. Где-то в пять утра мы пошли спать. Я легла на кровать и просто смотрела в потолок, даже не

пытаясь уснуть. Я слышала, как тихо плакала Света, отвернувшись к стене. Она пыталась притвориться спящей, но ее выдавал горестный тихий плач. Когда наконец ее всхлипы прекратились, я встала с кровати и, убедившись, что она действительно спит, оделась и вышла на улицу.

В голове был какой-то туман.

Я тихо прогуливалась по парку и пинала ногой валявшиеся на земле желтые листья. Я села на лавочку и закрыла лицо руками. Я не понимала, что происходит с моей жизнью, и в какую бездну она катится... И из-за чего? Просто из-за чьей-то прихоти? Зачем? Кем они себя считают?

— Нет, я просто так этого не оставлю, — прошептала я.

Я зашла в ближайший магазин хозяйственных товаров и купила небольшой острый нож...

В половине девятого утра я была совершенно не в себе, я стояла возле своего института и ждала. Я ждала эту белобрысую уродину. Глаза мои были налиты кровью, я хотела отомстить... Отомстить за все... Сама...

И вот я увидела ее... Она курила на крыльце универа со своей извечной подругой, выпуская вверх тонкие струи дыма. Как ни в чем не бывало она улыбалась, смеялась и что-то весело рассказывала... А я уже никого не видела, кроме

нее. Мои руки тряслись...

Я не могу точно вспомнить, что произошло дальше. Все было словно в тумане. Я набросилась на нее. Как я ее сначала била и что кричала — вспомнить потом было сложно. Когда я повалила Ларису на землю и достала нож, Ника попыталась оттащить меня от нее. Но в этот раз, как ни странно, сил у меня было гораздо больше, чем тогда в ночном клубе, и я смогла отпихнуть мешающую мне девчонку. Замахнувшись ножом, я попала Ларисе в ключицу. Она взвизгнула от боли и дернулась так, что нож выпал у меня из руки. Тогда я не растерялась и стала бить ее головой о бетонные плиты, пока не стихли ее крики. Я очень надеялась, что она сдохла. Не знаю, что творилось с моим рассудком. Наверно, я просто не отдавала отчет своим действиям. Поэтому когда я сидела в отделении полиции, я тупо смотрела вниз стеклянными глазами и молчала. Когда следователь начал оказывать на меня психологическое давление, я сначала встала и что-то хотела сказать, но сознание вдруг помутилось, и я просто упала в обморок.

Я неотчетливо помню, как надо мной стояли люди в белых халатах, когда я уже лежала на больничной койке. Один из них говорил, что у меня сильное нервное истощение, и что мне нужен покой.

Когда мои глаза открылись, я увидела белый больничный потолок. В мою руку была вставлена капельница. В голове было что-то похожее на кашу, и я гадала, какой же страшный сон мне приснился.

— Очухалась?

И только сейчас я поняла, что в палате я была не одна. Тот самый следователь, который вел мое дело об избиении, перевернув стул спинкой вперед, сидел на нем, подперев голову руками.

— Ну что, как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— Не знаю... Что произошло?

— А ты не помнишь?

— Смутно... — прошептала я.

— Тогда я напому. Ты напала на человека, нанесла ему тяжкие телесные повреждения с ножевыми ранениями, сотрясением головного мозга и переломом носа. Помимо всего этого, ты еще и наркоманка. У тебя в сумке нашли грамм героина, и медики подтвердили, что все, что ты сделала, ты сделала под кайфом.

— Что? — я округлила свои испуганные глаза.

— А что ты хотела? Я тебе объяснял, с кем ты связываешься. Ты меня послушала? Нет, ты меня не послушала. Теперь получай свое: тюрьма и письма мелким почерком, пропитанные никому не нужными горькими слезами. Допрыгалась.

— Но я не принимала наркотиков! —

воскликнула я. — И у меня не может быть героина в сумке!

— А кому ты это докажешь?

— Но Вы же знаете... Вы знаете, что это не так!

— Я ничем не могу тебе помочь, хоть и верю тебе.

— И Вы так спокойно об этом говорите?!

— А что ты хочешь? Чтобы я переживал за каждого человека, который проходит через мой кабинет? Их знаешь сколько, таких несчастных? А тебе я говорил, чтобы ты не рыпалась, забрала бы свое заявление и забыла бы все как страшный сон. Но нет же, ты меня не послушалась и натворила делов... Мозгов у тебя мало, а дури в крови много, вот и подвела себя под монастырь. Ты будешь винить во всем обстоятельства... Только я тебе скажу: не обстоятельства во всем виноваты, а ты. Ты просто человек такой. Притягиваешь к себе всякое дерьмо... Знаю я таких людей, как ты, уж много повидал на своем пути.

— Мне подкинули наркотики... Отец Ларисы это сделал!

— Он бы не стал заниматься такими мелкими вещами. Но мыслишь ты правильно. Это было однозначно сделано с его подачи, что и следовало ожидать. Ты очень сильно обидела его золотую дочурку.

— Вы все знаете... Вы все знаете и даже не хотите или не можете мне помочь?

— Я не такой дурак, как ты, чтобы бороться с такими людьми. У меня жена, дети и сам я тоже хочу жить, поэтому извини, только конченный маразматик будет идти наперекор.

— Да кто же он такой, этот отец Ларисы, что даже Вы его боитесь?! Что он из себя представляет?

— Ты же говорила мне, что все знаешь?

— Я знаю только то, что он преступник...

— Ну, это значит, что ты ничего не знаешь, — усмехнулся следователь. — Тот, кто велосипед у соседа украл, тоже считается преступником, но для общества в целом никакой опасности не несет. А человек, от которого тебе угрожает неминуемая расправа, криминальный авторитет. Ты вообще знаешь, кто такой криминальный авторитет, деточка?

— Я имею смутное представление... — призналась я.

— Криминальный авторитет — это лидер в криминальной среде, который возглавляет какую-либо криминальную группировку... Он имеет колоссальную власть, большие связи, деньги, и его очень сложно в чем-либо уличить. На самом деле правоохранительные органы все знают, но они бессильны, потому что большая часть ментов сами повязаны криминалом... Да, дорогая, мы тоже

люди, и кушать хотим, сама понимаешь... Наше государство похоже на червивое яблоко... Столько червей, но все хотят жить, как люди...

— Вы отвлеклись, — обессиленным голосом перебила его я.

— Хорошо. Отца Ларисы зовут Станислав. Станислав Коновалов. Но в криминальном мире он больше известный как Бешеный. В бандах имена используются редко, обычно каждому из участников дают какую-либо определенную кличку. Его одно слово — и тебя нет. Сама пойми, кто ты для них... Так, маленькая букашка и все... И ты очень сильно обидела его дочь... Такое он не простит...

— Хватит! — вскричала я. — Уходите вон!

— Я-то уйду, подожду твоего полного выздоровления. Но твою палату охраняют сотрудники полиции, так что даже не рыпайся. Попробуешь сбежать — будет еще хуже.

— Меня посадят? — шепотом спросила я.

— Без вариантов, — грозно ответил следак и вышел из палаты.

А я еще долго лежала, смотря стеклянными глазами в белоснежный потолок.

Глава 4

После больничной палаты я попала в СИЗО. Но меня не отвели сразу в камеру. Вновь прибывших арестантов сначала помещают в так называемые «отстойники». Это крохотные комнатухи, метра два площадью, без окон, с одной только железной дверью, скрежещущий звук которой напрочь перебивал какие-либо голоса в пределах комнатухи. И словно специально, для полного удручения, стены были окрашены темно-серой, уже местами облупившейся, краской. Настоящая темница... В помещении было всего две очень малюсенькие лавочки, на которых могло поместиться только два человека. Естественно, эти места уже были заняты, и мне долгое время пришлось сидеть на корточках, пока две дамы весьма непривлекательной наружности не были вызваны полицией на допрос и дальнейшее распределение. В этой крошечной камере было холодно... Сидя на жесткой лавочке, я попыталась подогнуть под себя колени и отвернуться к стене. Неподалеку от меня сопела какая-то проститутка. Она лежала прямо на холодном полу, подстелив под себя какое-то тоненькое покрывало. На вид она была моей ровесницей, и почему-то от этого мне стало совсем не по себе. Решив, что лучше созерцать серую стену, чем обитателей этого

зловещего места, я стала внимательно разглядывать облупившуюся краску. Кто бы знал, что я когда-нибудь окажусь здесь... Да, моя жизнь никогда не была похожа на сказку, но даже в своих самых страшных кошмарах я не представляла себе, что когда-нибудь окажусь в тюрьме. Сейчас я думала о том, как все-таки прекрасно я жила раньше и не осознавала этого. Уже даже мой родной поселок не казался мне таким унылым...

Так как мне было совершенно нечем заняться, я стала мысленно перебирать события из своей жизни, начиная с детства, и дойдя до юности, я остановилась и еще сильнее сжалась в комок от нестерпимой душевной боли. Я вспомнила, как когда-то я мечтала о большой и неземной любви. Мне хотелось любить. Любить по-настоящему... Как бы это ни было старомодно, я хотела, чтобы мой возлюбленный был моим первым и единственным мужчиной. Когда я встретила Глеба, самого популярного парня в нашей Кубинке, я потеряла голову и подумала, что это ОН. Он — тот милый моему сердцу и единственный. Я страдала от любви к нему больше полугода. Каждую ночь я засыпала с его именем на устах... Смешно...

Узнав о том, что он мне нравится, Глеб пригасил меня на свидание и в этот же день затащил меня в постель, навешав мне лапши на уши о своей безумной любви. Я поверила, как последняя

идиотка, и распрощалась со своей девственностью, думая, что эта любовь навсегда, и больше незачем ждать.

Во время самого акта мне было нестерпимо больно и жутко противно и уже не хотелось никакой любви и ничего, что с этим было связано, но отступить уже было некуда.

Я вспоминаю, как после секса Глеб сидел и безразлично пил пиво, смотря телевизор. Я постаралась его обнять, но он равнодушно отмахнулся от меня, сказав, что скоро вернутся его родители, и мне нужно уходить.

Когда за мной захлопнулась дверь, мне просто не хотелось жить. Внутри была такая всепоглощающая пустота, от которой хотелось кричать.

В этот день я долго шла по улице, не зная, куда я иду и зачем. Мне не хотелось возвращаться домой. Мне вообще ничего не хотелось...

И в тот день я раз и навсегда прокляла это ядовитое слово — ЛЮБОВЬ. Я решила, что это глупые выдумки полоумных людей...

Я анализировала свою жизнь и понимала, что за все мои восемнадцать лет я не почувствовала счастья, я даже ни разу к нему не притронулась.

Почему все так сложилось? — задавала я себе все один и тот же вопрос. — Стечение обстоятельств? Нет, я не верила в судьбу... Человек

сам строит свою жизнь. Я сама во всем виновата! Я притянула к себе все это своим страхом и неуверенностью в себе... Ведь страх может притянуть к себе только плохое. Это настолько мощная энергия, которая управляет человеческим сознанием и создает ситуации по мере того, насколько силен страх. Я очень боялась, что меня не примут. Что ж, «по вере вашей да будет вам», как сказал Иисус. Не нужно эту фразу понимать буквально. То, во что вы верите, то и будет вашей реальностью...

Вот она, моя реальность, которую я сама себе создала. Да, это действительно так... И что я сейчас делаю? Я продолжаю бояться...

Я боюсь суда, на котором судья объявит обвинительный приговор, я боюсь этой самой камеры, я боюсь больше никогда не увидеть ласковый взгляд моей мамы, Светку, и я боюсь никогда не узнать, что же такое это самое — счастье...

— Эй, ты чего? С тобой все в порядке? — донесся до меня голос одной из сокамерниц.

Я перевела свои зареванные красные глаза и постаралась ее рассмотреть. Передо мной была симпатичная молодая девушка. Первый раз за все время я увидела кого-то не отталкивающей ужасной внешности. И как я могла не заметить ее в этой камерке? Видимо, ее завели совсем недавно, а я

даже не обратила на это внимания. Столько часов сидения в этой дыре без воды и питья притупили мой рассудок.

— Со мной все хорошо, — хрипловатым голосом пролепетала я.

— Ты сидишь и смотришь в одну точку, губами шевелишь... Я и подумала, может, ты уже того?

— Со мной все хорошо, — повторила я и разревелась.

Девушка подошла ко мне.

— Ну-ну, будешь здесь так себя вести — не выживешь. Здесь слабых не любят. Заключают... — тихо проговорила она.

Я взяла себя в руки и перестала плакать. Незнакомка права, мне нужно быть сильной, особенно сейчас. Я подняла глаза и попыталась рассмотреть свою сокамерницу.

Ей было лет двадцать, может, двадцать два, не больше. Густые волнистые локоны, разбросанные по плечам, смуглая кожа... Девушка была на редкость красивой.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Жанна.

— А меня Люси, — девушка улыбнулась, обнажив свои неестественно белоснежные зубы, скорее всего, фарфоровые.

— Люси? — удивилась я необычному имени.

— Люси — это мой ник. Когда-то меня звали Людой. Но это как-то обыденно и неинтересно. А вот Люси звучит забавно и сразу придает мне изюминку... Ты так не считаешь?

Я пожала плечами.

— Ты почему здесь? — пыталась разговорить меня Люси. — Что за статью хотят припаять?

— По-моему, 111 и 228... — пролепетала я, — Точно не помню...

— Ничего себе! А с виду такая тихоня! — присвистнула моя новая знакомая. — Первая статья — это, как я понимаю, разбой? А вторая — наркотики... Правильно? Про первую статью я ни хрена не знаю, а во второй кое-что понимаю. В ней есть несколько пунктов... Какой у тебя?

— Я саму статью-то еле запомнила, а ты мне про какие-то пункты... — буркнула я.

— Ну давай разберемся... Если ты была под кайфом или просто наркоту у себя держала, то это первая часть...

— У меня нашли пакетик героина в сумке... И в крови... Но я ничего не принимала, и у меня не было с собой никакого белого порошка! Я даже не знаю, как он выглядит!!!

— Тихе, тихе... — стала успокаивать меня Люси, — не кричи, давай говорить спокойно...

Но я не могла держать в себе накопившиеся чувства, я была на грани истерики и в любой

момент могла сорваться.

— Не хочу... — прошептала я, а затем вскрикнула, — Не хочу сидеть ни за что!!! Я ни в чем не виновата!!!

— Да заткнитесь вы там! — злобно крикнула нам проститутка, которая до этого мирно спала все это время, как будто это место было для нее чем-то привычным и вполне нормальным.

— Сама заткнись! — так же злобно прикрикнула на нее Люси. — Видишь, человеку плохо?!

— Тут всем плохо! — язвительно пробурчала она, отвернувшись обратно к стене.

Люси слегка погладила меня по спине.

— Успокойся... Быть может, все еще образуется... Не всех, кто сюда попадает, ждет несколько лет за решеткой. Я не первый раз здесь... Два года назад я сюда попадала за наркотики... И ничего, оправдали! Правда, у меня тогда хорошая поддержка была с воли, они меня и вытащили... У меня тогда кокаин нашли в особо крупных размерах... А это статья 228, часть вторая... От трех до десяти лет лишения свободы... Но тем не менее оправдали. А ты, может быть, еще можешь отделаться условкой, кто его знает... А это не так страшно... Но это, конечно, при условии, что ты не сильно кого-то покалечила, и наркотики у тебя нашли не в особо крупном размере.

Я подняла на Люси свои зареванные глаза.

— По-моему, в полиции сказали, что у меня один грамм героина... Это много? Это считается особо крупным размером?

— Да нет вроде. Грамм — это не так много...

— Но меня все равно посадят... — словно в бреду прошептала я.

— Не отчаивайся. У меня ситуация еще хуже, чем у тебя, но я живу по принципу «надеяться на лучшее, но быть готовой к худшему»... И главное — держать себя в руках и не поддаваться эмоциям...

— За что ты здесь?

Люси смотрела на меня загадочным взглядом и молчала. Затем, переведя глаза на проститутку, сморщилась.

Дверь неожиданно закрипела своим истошным душераздирающим звуком и открылась.

— Ивченко Анастасия! — грозно сказал женский голос.

Девушка, которая лежала на холодном полу, неохотно поднялась, забрала свой плед и ушла вслед за женщиной в форме. Железная дверь снова закрылась на тяжелый засов и тысячу замков.

— Убийство... — вдруг шепотом произнесла Люси, когда мы остались с ней наедине, — Убила одного козла, который этого заслуживал...

— За что ты его?... — так же шепотом

спросила я.

— Долгая история, — Люси сдула со своего лица прядь волос.

— По-моему, времени здесь предостаточно... — грустно заметила я.

— Ты вроде на подставную не похожа... Так играть никто не может... Я могу тебе доверять?

— Можешь... А как понять — «подставная»?

— Следаки любят подсаживать в камеру «уток»... Подставных людей... Ты ничего об этом не знаешь, общаешься с человеком, выкладываешь ему всю свою душу и рассказываешь всю подноготную... А он потом тебя сдает... Вот и все... Таких много... Когда я сюда попала в первый раз, была тут одна такая, все прикапывалась ко мне: кто я, да что я, за что сижу... Ну и так далее... Теперь мне таких сразу видно: играют плохо, непрофессиональные актеры.

— Ты ведь тоже можешь быть подставной... — вдруг прошептала я.

— Ты совсем больная? — разозлилась Люси. — Стала бы я тебе вообще об этом говорить, если бы была одной из них?

— Да кто его знает...

— Ну и ладно! Раз ты так считаешь, то разговор наш окончен. А ты продолжай рыдать и разговаривать сама с собой. Только, пожалуйста, делай это как можно тише, я не хочу этого слушать

— и так тошно от всего.

Я тут же ощутила чувство всепоглощающего одиночества.

— Люси, извини, я первый раз в такой ситуации, в таком месте... Мне сложно здесь... Я подвох во всем вижу, у меня уже фобия...

— Хорошо. Я думаю, мы нужны друг другу. Очень сложно находиться здесь и разговаривать только с собой, так и с ума можно сойти... Мне бы хотелось выговориться... Очень многое накопилось, очень многое в себе держу, устала... Но боюсь также себе этим еще больше навредить... Ты права, здесь можно подвох ждать от чего угодно. Но я готова рискнуть... Всю жизнь рисковала, так что теперь... — улыбнулась Люси грустной улыбкой.

— Я думаю, риска нет. Это все эта дурацкая обстановка заставляет нас к реальным проблемам придумывать себе еще и несуществующие...

— Может, ты и права!

— Хоть в чем-то я бываю права... — всхлипнула я.

— Ладно, подруга, крепись! А лучше выскажись, станет легче, я обещаю.

Я вкратце рассказала Люси свою историю.

— Ну да... не хреново тебя подставили... — задумчиво констатировала она.

— Мне теперь не выбраться отсюда... Я

проведу много мучительных лет за решеткой...
Всю свою молодость...

— Не отчаивайся раньше времени, суда-то еще не было...

— Я знаю, что меня осудят. Суд — это всего лишь формальность...

Тяжело вздохнув, я перевела взгляд на Люси и произнесла:

— Теперь твоя очередь облегчить душу. За что ты убила?...

— Можно сказать, что этот человек погубил мою душу... — как-то страшно и задумчиво произнесла она, смотря куда-то вдаль. — Может, не он один... Но он... он был главным во всей этой игре под названием «ломание чужих судеб»...

— Я не понимаю, — честно призналась я.

— Чтобы все понять, нужно рассказывать с самого начала... — пробормотала девушка.

— Я готова слушать, — сказала я.

* * *

Люси, как и я, родилась в далекой провинции. Ее мать спилась от несложившейся личной жизни и умерла, когда Люси было пятнадцать. После случившегося девчонка сразу уехала жить в Москву к своей тетке по матери. Тетка не любила ее, считала обузой и во всем всегда попрекала. Но она

скончалась от рака через два года после переезда Люси. Так как она за всю свою жизнь ни разу не была замужем, и у нее не было детей, ее квартира в наследство досталась юной племяннице.

— Как-то раз ко мне на улице подошел один красивый представительный мужчина... — говорила Люси. — Он представился Маратом и сказал, что у него ко мне есть выгодное предложение, которое изменит всю мою жизнь. Он говорил, что я — будущая звезда... Он так красиво говорил и с таким восхищением смотрел мне в глаза... Я поверила. Мне тогда было семнадцать. Наивная еще девчонка... Он дал мне свою визитку и сказал, чтобы я обязательно ему позвонила, иначе упущу шанс всей своей жизни... На визитке было написано, что он директор модельного агентства «Премиум»... Я была счастлива. И, конечно же, я позвонила. Позвонила на следующий же день... Мужчина пригласил меня к себе в офис. Офис выглядел достойно... Все было похоже на сказку... В офисе я просто заполнила анкету, указала свой возраст, семейное положение, чем занимаюсь... Обычные банальные вопросы... Ничего не вызвало у меня подозрений. Девушка, работающая там, измерила мой рост, объемы груди, талии и бедер. Мне сказали, что я идеально подхожу, и пригласили обучаться в школе моделей, которая существовала при самом агентстве. Закончившие эту школу

попадали непосредственно в само агентство и уже строили в нем свою карьеру. Но школа моделей оказалась платной, и я очень расстроилась... Я не могла себе этого позволить. Тогда я жила только на пособие... Я помню тот момент, когда Марат подошел ко мне, положил мне руку на плечо и, заглянув в глаза, сказал, что верит в меня, что я обязательно стану успешной в модельном бизнесе, и поэтому я могу обучаться в школе моделей бесплатно. Моему счастью не было предела. Сейчас вспоминаю — смешно...

— Что было потом? — меня раздирало от любопытства.

— Где-то полгода меня не трогали... Я ходила в школу моделей, училась, проходила свои первые кастинги. Участвовала в незначительных показах, за которые мне платили сущие копейки... Но мне было безумно приятно само участие в них. Я чувствовала себя звездой на подиуме, еще совсем маленькой, но все же звездой. Я мечтала когда-нибудь поехать в Европу... Или в Японию... Да без разницы куда... Я слышала, что девочки с модельного агентства уезжают за границу. Тогда мне говорили, что они подписывают очень выгодные контракты с престижными зарубежными агентствами. Правда, об их судьбе и вообще о них самих после уезда я больше вообще ничего не слышала и только потом поняла почему... Тогда я

еще ничего не знала... Когда мне исполнилось восемнадцать, все и началось... Мне предложили эскорт-услуги, так называемое VIP-сопровождение... Я сначала не совсем понимала, что это... Марат объяснил, что это сопровождение состоятельных мужчин на вечеринки, банкеты, деловые встречи... Все выглядело довольно прилично, и ничего не вызывало подозрений. Подумаешь, сопроводить какого-нибудь мужчину, побухать за его счет, и еще за это деньги получить... Я согласилась не раздумывая, тем более платили прилично... Мой первый клиент на эскорт-услуги был подставным... Это я уже потом поняла. Меня пригласили на какую-то вечеринку, где я должна была сопровождать этого мужчину. От меня ничего не требовалось, только мило улыбаться и не говорить никаких глупостей, не проявлять лишней инициативы, **СТАРАТЬСЯ СО ВСЕМ СОГЛАШАТЬСЯ**... Последний пункт меня немного насторожил, но я не предала ему значения. Этот подставной мужик был довольно ухоженным. Видно было, что при деньгах, но он был гораздо старше меня и не вызывал симпатии... После нескольких бокалов шампанского он предложил мне поехать к нему... за тысячу долларов. Я, конечно, офигела от такой суммы... Но все же проституткой себя не считала и продавать свое тело

не собиралась. Я была далеко не ангелом, но сексом я занималась только с теми, кто на самом деле вызывал у меня симпатию и желание. И я, естественно, отказалась от поездки к этому мужику домой. Он меня еще долго уговаривал, пытался мне сунуть более внушительную сумму, подливая шампанское... В какой-то момент голова моя словно затуманилась. Перед глазами все поплыло. От спиртного такого никогда не бывает... Он мне что-то подмешал... Утром я проснулась в незнакомой квартире... на широкой большой кровати. Я распахнула одеяло, хотела встать,... но поняла, что я абсолютно голая. Голова раскалывалась, тело ныло, особенно все промежности... А главное — я ни черта не помнила! Вообще ничего. В голове была пустота...

На тумбе лежало чуть больше тысячи баксов. Я не взяла эти деньги, каким-то чудесным способом отыскала свою одежду, сумку и выбежала из квартиры, как ошпаренная. Благо она находилась в центре, и я без труда смогла сориентироваться. Не раздумывая, я помчалась к Марату в офис. Он пролил кофе себе на брюки, когда я влетела в его кабинет. Я стала кричать, что вчерашний клиент изнасиловал меня. Марат стал меня успокаивать, говорил, что я зря так нервничаю, что мне не надо было вчера так пить.

— С чего ты взяла, что тебя изнасиловали? —

спросил он.

— Я проснулась утром голая, в чужой постели... И у меня... У меня болит все между ног и в другом месте... — еле выговорила я и залилась алой краской.

— Ну, это же не значит, что тебя изнасиловали, — улыбнулся Марат. — Просто у тебя ночью был хороший секс. Ты уже взрослая девочка, и в этом нет ничего плохого.

— Марат, я ничего не хотела! И я ничего не помню!!! — перешла я на крик и была готова сорваться на истерику.

— А вот как ты не хотела, сейчас мы и посмотрим... Мне прислали видео с сегодняшнего твоего ночного происшествия. Сейчас посмотрим, заодно и ты все вспомнишь...

Я была ни жива ни мертва, — рассказывала Люси, — Что за видео? Откуда оно у него? И неужели этот мужик заснял, как я с ним занимаюсь сексом и додумался еще отправить это видео в агентство? Зачем? Для чего?

На тот момент мне казалось, что я сплю. И все, что происходит со мной — просто дурной кошмарный сон, и скоро я проснусь в своей постели и пойму, что ничего этого не было. Но вскоре я все же поняла, что чуда не произойдет, и это — жуткая реальность, с которой придется что-то делать...

Марат развернул ко мне ноутбук. Меня будто

пронзило током от увиденного. Я закрыла рот рукой, почувствовала резкую тошноту, и мне стало казаться, что я просто задыхаюсь. Я ртом ловила воздух, но он не поступал в мои легкие. Марат слегка побил меня по щекам, и я немного пришла в себя.

— Только в обмороки мне тут не падай, — немного взволновано произнес он. — Может, воды или чего-нибудь покрепче? — предложил Марат.

— В-воды... — заикаясь, кивнула я головой, понимая, что спиртного я больше никогда не возьму в рот. Мне нужна была ясная голова, чтобы понять, что происходит, и что с этим делать дальше, как жить...

Сделав пару глотков воды, я закрыла глаза и в уме вновь воспроизвела увиденное мной на экране ноутбука. Главной в этой сцене была я — и трое мужчин... Трое! Одним из них был, видимо, мужчина с вечеринки. Второго я не знала, а в третьем, мне кажется, я узнала самого Марата... Сложно быть в этом уверенной, потому что видео было обработано, и лица мужчин были смазаны, но мое лицо было видно отчетливо. Безразличный взгляд и полная пассивность. Мужчины крутили меня и вертели как хотели, а я безучастно смотрела куда-то прямо, на лице было полное безразличие.

— Тебе лучше? — спросил Марат.

— Нет... Мне плохо... Мне очень плохо...

— Да успокойся ты, ничего же не случилось!
Ну подумаешь, занялась сексом. Что в этом такого?
На видео не вижу, чтобы ты сопротивлялась.
По-моему, тебе было хорошо...

Я перевела на него наполненный страхом и ненавистью взгляд:

— Мне было хорошо?! О чем ты говоришь?!
Эта сука меня чем-то накачала, и я там вообще не
соображаю! Неужели ты не видишь, какой у меня
там безразличный взгляд?!

— А вот это уже отдельный разговор... Не
фиг накачиваться всякой фигней, чтобы потом не
помнить, что ты делала.

— Я сама ничего не принимала! Мне что-то
подмешали! — отчаянно пыталась доказать что-то
я. Хотя на самом деле понимала, что он и так все
знает...

— Ты несешь полную чушь... — проговорил
Марат, окатив меня холодным взглядом, после
которого я съежилась, а по телу пошли мурашки. —
Я же говорил тебе, чтобы ты со всем соглашалась.
Желание клиента — это закон.

— Ты мне ничего не говорил о том, что я
должна буду спать с ним! Ты говорил, что это
только сопровождение, и ничего больше!

— Слушай, тебе сколько лет? Вроде давно
восемнадцать, а строишь из себя
пятнадцатилетнюю целку... Он что, в конце

концов, бесплатно предлагал тебя трахнуть? Он предложил тебе тысячу долларов. Тебе что, этого было мало? Где ты еще заработаешь такие деньги, всего лишь раздвинув ноги и получив удовольствие? Нигде!

Меня затрясло мелкой дрожью... Я поняла, что попала в ловушку, и лучше будет просто уйти и забыть все как страшный сон. Я понимала, что я ничего не докажу ни этому Марату, ни полиции... Да и стыдно было... Было безумно стыдно... Я не хотела, чтобы кто-либо узнал о том, что со мной сделали... Это унижение, это позор... Самым худшим для меня было бы, если б кто-нибудь еще увидел это видео, где меня одновременно трахали трое мужчин...

— Я уйду... — только и смогла сказать я и направилась к двери.

Марат резко перегородил мне дорогу.

— Куда это ты собралась? — язвительно спросил он.

— Это уже тебя не касается! Я уйду из агентства!

— Значит, я тратил на тебя свои деньги, позволил обучаться бесплатно в школе моделей, платил стилистам и парикмахерам, чтобы они сотворили твой образ, сделал тебе портфолио... А ты вот так просто хочешь меня кинуть?! Нет, милая, так не пойдет...

— Марат, отпусти меня, пожалуйста, —
взмолилась я.

— Нет, — сказал как отрезал он. — Ты
должна отработать свои деньги.

— Я устроюсь на работу и постепенно все
отдам... — быстро проговорила я, глотая слезы.

— Ты что-то путаешь, работа у тебя уже есть.

— Я не хочу так работать... Я не проститутка!

— А кто тебе говорит о проституции? Не
нужно это так воспринимать... Все прилично, ты
оказываешь экскорт-услуги — это
сопровождение... С клиентом не всегда придется
спать! Но если захочет и предложит за это
внушительную сумму, то почему бы и нет? Ты
женщина, твое оружие — это красота, так
пользуйся этим. Ну скажи, ну где ты еще сможешь
заработать такие деньги? Где? У тебя ни семьи, ни
родителей — никого... Слава Богу, что хоть не на
улице живешь, и прописка московская есть, а так
бы совсем пропала... У тебя даже образования нет!
Ну куда ты пойдешь работать? Уборщицей? Ты
хочешь заживо похоронить ту красоту, которой
тебя Бог наградил? У тебя же кроме нее ничего
нет... Подумай...

— Мне не нужно ничего думать. Я ухожу,
отпусти меня!

— Я же уже сказал, что ты никуда не
пойдешь... — сквозь зубы процедил он. — Ты

должна отработать мои деньги.

— Сколько?

Марат немного замешкался.

— Пять тысяч долларов.

— Сколько?!! — от такой суммы я просто обалдела.

— Сколько слышала. Всего лишь в пять тысяч долларов я расцениваю потраченные на тебя время и деньги. Отработаешь их — можешь уходить.

— Ты с ума сошел?! Где же я возьму такие деньги?...

— Всего лишь несколько хороших заказов — и ты мне их сможешь отдать, не волнуйся.

— Я больше не приму ни один заказ! — в сердцах воскликнула я.

— Примешь! Еще как примешь! — злобно прокричал Марат, схватил меня за волосы и потащил к ноутбуку.

Включив видео, он произнес:

— Сучка, если не будешь делать то, что я скажу, это видео окажется в интернете. Я разошлю его всем, кто тебя знает, с надписью «шлюха». И никто, слышишь, никто и никогда больше не захочет иметь с тобой дело! Я на тебе, сука, клеймо поставлю на всю жизнь! И ты только полы и сможешь мыть, больше тебя никто и никуда не возьмет, поняла?!

— Пожалуйста, не делай этого... —

прошептала я и разрыдалась.

Марат прижал меня к себе и даже по-отечески погладил по голове.

— Успокойся, малышка моя, успокойся... Все не так страшно, как ты себе надумала. Если ты будешь хорошей и послушной девочкой, я не причиню тебе вреда, а, наоборот, во всем и всегда буду помогать и оберегать... Прямо как отец... Давай сделаем так, — говорил Марат, продолжая гладить меня по голове, — ты примешь несколько заказов, отработаешь долг. Если не захочешь дальше работать, отдашь мне пять тысяч долларов — и ты свободна... А если захочешь остаться и заработать себе на приличную машину... Например БМВ... Тебе нравится БМВ? Может быть, кабриолет или мерс? Что тебе нравится? А может, тебе нужна роскошная квартира в центре Москвы? Ты наверняка хочешь себе шубку... Норковую шубку... А может, тебя впечатляют дорогие безделушки? Бриллианты, например? Может, тебе нравятся дорогие курорты, бوتيки, самые дорогие салоны красоты и фитнес клубы? Девочка моя, если ты захочешь и постарайся, все у тебя это будет... Абсолютно все... Я предлагаю тебе совершенно другую жизнь. В ней будет роскошь... Также я буду продвигать тебя в качестве модели, не забывай — у тебя большое будущее... И если ты выберешь ту жизнь, которую я предлагаю, тебе и не нужно будет

отдавать мне этот долг... И когда я начну тебе доверять, я удалю это чертово видео, обещаю...

Я слушала Марата, и мысли мои пугались. Я была в полном замешательстве и не знала, что мне делать...

— Ты пока не торопись с выбором, девочка моя, — произнес Марат. — Но поработать на меня тебе все-таки еще придется... А потом ты сама решишь, как поступить дальше. А теперь вытри слезы, успокойся и иди домой. Прими ванну, выпей бокал вина, чтобы успокоиться... А лучше... — Марат отстранился от меня и полез в ящик стола. — Держи, — сказал он, протягивая мне какие-то таблетки.

— Что это? — спросила я.

— Можно сказать, что это успокоительное, — засмеялся он. — От него тебе точно полегчает.

В тот вечер я пришла домой в каком-то затмении... — говорила Люси, — Я отчетливо помню, что мне хотелось умереть, отчаянье душило меня, и я не находила выхода из дерьма, в которое я влипла. Я нашла в сумке таблетки, которые мне всучил Марат, и приняла сразу две. Не знаю точно, что это было, но мне реально стало легче. Мне казалось, что я начала парить... Это был какой-то наркотик... Первые ощущения от него были незабываемые. Такое ощущение, что он придает тебе силы, и ты можешь все. Все становится таким

радужным... И все проблемы куда-то уходят... Я тогда еще никогда так не смеялась... Мне было смешно над всем, что со мной произошло... Мне было хорошо...

Картинка реальности пришла ко мне только утром... Боже, как мне не хотелось в нее возвращаться... Но пришлось... Вечером позвонил Марат и спросил, как я себя чувствую.

— Два дня тебе отдыха — и у меня есть для тебя работа, — сказал Марат, — сегодня сходи на массаж, в солярий... Я все оплачу. Сходи к нам в салон, скажи, что ты от меня, я их предупрежу. И делай, как я говорю, будь умной девочкой... Нам же не нужны проблемы?

— Не нужны... — промямлила я.

Я сделала все, как мне велел Марат. Сходила в салон, пошла на массаж, в солярий... Правда перед этим все же приняла одну таблетку... И мне вновь было хорошо... До следующего дня...

На следующий день таблетки закончились, и я провалилась в беспросветную депрессию... Я курила одну за одной, думая над тем, что же мне дальше делать и как жить... Ничего не приходило на ум. И тогда я решила — черт с ним... Отработаю эти деньги, как говорит мне Марат, пошлю его потом на хрен и забуду все как страшный сон... Главное — перед заказом спросить у Марата эти таблетки: только они были для меня на тот момент

моим спасением от жестокой действительности... Мне хотелось притупить рассудок... Чтобы не думать о том, на что толкал меня этот страшный человек и чтобы не вникать, что со мной может сделать очередной заказчик...

Следующий клиент, а вернее первый клиент, потому что предыдущий был подставным и работал на Марата, а точнее вместе с ним, оказался мужчиной лет сорока, немного полноватым, но солидной внешности. На нем был костюм от Диор, швейцарские часы, дорогая обувь... Все как положено... Ему была нужна девушка на вечеринку в честь дня рождения друга. Меня изначально предупредили, как я должна буду себя вести. Мне нужно было играть его невесту, вежливую культурную застенчивую девушку...

— Смотри, не подведи меня! — грозил мне пальцем Марат.

— Мне нужно будет с ним спать?... — тихо спросила я. Во мне теплилась надежда, что этому клиенту нужно просто похвастаться перед друзьями своей невестой и ему не нужен секс.

— Петр Александрович оплатил все. И если ему еще и понравится твоя работа, он сделает надбавку... Так что тебе нужно будет хорошо поработать, — подмигнул мне Марат.

Я стиснула зубы и сжала кулаки.

— Марат... — нерешительно произнесла я.

— Что?

— Дай мне, пожалуйста, те таблетки, которые ты мне давал...

Марат приподнял одну бровь.

— Что, понравилось? — усмехнулся он. — А те три, что я тебе давал, уже кончились?

Я прикусила нижнюю губу и, опустив вниз глаза, кивнула.

— Я боюсь, что в таком состоянии ты можешь испортить все дело... — Марат почесал подбородок. — Давай сделаем так... Я дам тебе другое средство...

Марат дал мне кокаин... Так произошло мое первое знакомство с этой дрянью, которая изменила всю мою жизнь. Он сказал мне, чтобы я приняла его только тогда, когда поеду к клиенту домой... Я так и сделала... После мероприятия, на котором я играла роль невесты Петра Александровича, я зашла в уборную и вдохнула в себя этот белый порошок... Когда первый раз пробуешь кокаин, ты словно попадаешь в рай... Узнав что это, ты никогда не будешь таким, как прежде... Никогда... Что-то меняется в тебе раз и навсегда... И ты со временем понимаешь, что лучше вообще тебе не знать, что это такое, но обратной дороги уже нет... Никогда не будет так, как раньше... Никогда... Когда первый раз ты вдыхаешь в себя эту дрянь, все мгновенно меняется. У тебя резко и внезапно

повышается настроение, проблемы куда-то уходят, словно их и не было никогда... Насыщенность мира красками усиливается, из серого и привычного он становится таким ярким и праздничным. Ты даже начинаешь ощущать себя по-другому... Повышается уверенность в себе, ты чувствуешь прилив сил, наполняешься ощущением бодрости, беспредельности своих физических возможностей, ты думаешь, что ты способен на все... Ловушка в том, что тебе никогда не вернуть тех ощущений после приема первой дозы... Ты всегда будешь стремиться достичь ее, принимая все больше и больше, но эффекта такого уже никогда не будет... Никогда...

Мне не составило никакого труда поехать к этому Петру Александровичу, я словно отстранилась от своей жизни и наблюдала за ней, как зритель в кинотеатре, без какого-либо эмоционального участия... Это было так странно... Я занималась сексом, и мне это даже понравилось...

Когда действие наркотика закончилось, пришла расплата... Как говорится, за все надо платить... Опьянение от кокаина обрывается внезапно и переходит в свою противоположность — в крайне неприятное и болезненное душевное состояние... Было такое чувство, словно меня выворачивает наизнанку... Все, что я испытывала

под кайфом, сменилось абсолютной противоположностью... Повышенное настроение — резкой депрессией и подавленностью, как будто тяжелейший камень внезапно падает тебе на грудь... Прилив энергии — вялостью и тяжестью в каждой клеточке тела... Иллюзия усиления умственной активности и ясности в голове заменяется ощущением трудности и нежелания думать. Мысли текут медленно и бессвязно. Становится невозможно сосредоточиться на каком-либо действии: даже заставить ноги правильно ступить, а горло правильно произносить слова. Самоуверенность переходит в угнетенность с чувством вины, ощущаешь себя ошибкой природы. Внешний мир становится абсолютно серым, бесцветным и уродливым. Все звуки, которые ты слышишь, доносятся до тебя как из бездонного колодца... Ты чувствуешь себя отвратительным... и переполняешься ненавистью... к себе...

Кокаин — это выдумка дьявола. Это то самое яблоко, которое сорвала Ева... Из-за этого чертова яблока ты больше никогда не будешь в раю... Ты словно изгнанник Бога...

На следующий день я приехала в офис. Марат меня встретил очень радушно.

— Ты потрудилась на славу! — сказал он. — Вот твои деньги, — Марат протянул мне аккуратно сложенные купюры, — а вот и надбавка от клиента

за шикарную работу, ему все очень понравилось! — Марат приложил к общей массе денег еще несколько зеленых бумажек.

Я тупо смотрела на деньги и ничего не понимала, голова была тяжелой, поэтому слова Марата доносились до меня, как в каком-то вакууме.

— А как же мой долг? — все же спросила я хрипловатым голосом.

— Девочка моя, я же вроде тебе обещал, что ты можешь мне его и не отдавать, если останешься на меня работать, — улыбнулся мужчина.

— Так я и не собираюсь оставаться на тебя работать...

— Ну, это ты сейчас так говоришь... Время покажет! А пока бери деньги! Когда накопишь нужную сумму, тогда и примешь решение, отдавать мне их или потратить в свое удовольствие и продолжать зарабатывать дальше.

Я молча сунула деньги в сумку.

— Ты лучше развейся сейчас, походи по магазинам, купи себе что-нибудь... А то на тебе лица нет... С таким лицом работать нельзя! — произнес Марат. — Лаура! — позвал он кого-то.

В кабинет зашла красивая девушка. Высокая брюнетка с длинными темными волосами, в мини юбке и с соблазнительным вырезом на блузке.

— Познакомься, Люси, это — Лаура. Лаура —

это Люси.

Я безучастно кивнула девушке головой, подумав о том, что ее имя, как и мое тоже, придумал Марат. Когда я еще не знала, чем занимается Марат, я радостно согласилась на то, чтобы из моего обычного имени сделали более звучное и привлекательное... Так из Люды я и превратилась в Люси...

— Лаура уже давно работает на меня, — сказал Марат, — и я думаю, вам есть смысл подружиться. Как ты на это смотришь, Лаурочка?

— Я только за, — весело прощепетала она.

— А ты, Люси? — спросил меня Марат, приподняв левую бровь.

Я только пожала плечами. Мне было все равно.

— Ну не будь такой недружелюбной, Люси, — нахмурился Марат. — Чему тебя учили в школе моделей? Всегда улыбайся и будь предельно вежливой... Разве это не первый пункт в вашем обучении?

— Да, конечно, — вздохнула я.

«Жаль, там не было пункта о том, что вы должны будете трахаться с клиентами» — горько усмехнулась я.

Из офиса мы с Лаурой вышли вместе.

— Пойдем попьем кофе, — предложила она.

Мы сели в ближайшее кафе.

— Почему ты такая невеселая? — спросила Лаура.

— Чему здесь веселится? Из меня проститутку сделали... Здесь не до веселья... Тошнит от самой себя...

Лаура хмыкнула и почесала затылок.

— Ты как-то все неправильно воспринимаешь, — улыбнулась она. — Ты не проститутка, а модель... Ну подумаешь, что иногда приходится спать с клиентами, что в этом такого? По-моему лучше спать за деньги, чем просто так... Получаешь кайф, а за это тебе еще и платят! Не жизнь, а сказка! Ведь никто не заставляет тебя спать с какими-нибудь мужланами из пивнушки. У таких мужиков на тебя никогда денег не хватит! Все мужчины, которые платят за ночь с тобой, ухоженные, богатые и в большей степени воспитанные. По крайней мере, мне именно такие и попадались. Я бы с ними и без денег спала! А за твою безопасность всегда отвечает Марат и никогда тебя не даст в обиду, если ты себя будешь примерно вести... Марат очень хорошо относится к своим девочкам и всегда им платит нормальные деньги.

— Хорошо, говоришь? Меня накачали какой-то дрянью и отдали в лапы трем мужикам! И, как я подозреваю, одним из них и был этот твой хороший Марат!

— Ну, это только первый раз такое бывает. Ты просто проходила, грубо говоря, «посвящение»... Марат и его компаньоны пробуют новую девочку...

Я сильно сжала кулаки. Сердце вырывалось из груди...

— Они животные... — сквозь зубы прошипела я. — И делают они это, чтобы потом шантажировать ни в чем не повинных девчат...

— Не утрируй... Этим самым они просто ломают старые стереотипы... Просто переспала ты сразу с тремя — у тебя переворачивается мировоззрение, что-то ломается внутри, и ты воспринимаешь секс с разными партнерами уже несколько иначе. Ну и конечно, в твоих словах есть доля правды... Марату же невыгодно, чтобы ты уходила... Пойми, попасть к нам в агентство очень трудно. Марат подбирает только самых красивых девочек, поэтому наши услуги — самые дорогие в городе... И нам с тобой очень повезло, что мы попали к Марату...

— Повезло?! — воскликнула я.

— А как же... Я за год работы купила себе шикарную квартиру в центре Москвы! У меня машина — зверь, шмотки только с бутиков, я могу себе позволить любые курорты! Только на курорты за свой счет я еще ни разу не ездила... Зачем? Найдется какой-нибудь богатый Буратино, который закажет меня для поездки, например, в Таиланд...

Знаешь, сколько таких, которые заказывают эскорт, когда собираются в какое-нибудь путешествие? Где я только уже не побывала за время работы у Марата! Я ездила и на Сейшелы, и на Мальдивы, в Грецию, во Францию! Я отдыхала, была в лучших отелях, а мне еще за это платили! Ну какая бы девушка об этом не мечтала?! Естественно — чтобы ездить по курортам и так же хорошо зарабатывать, как и я, ты должна быть на хорошем счету у Марата... Если ты будешь хорошо и качественно выполнять свою работу, то он тебя никогда не обидит... Вот это надо учесть...

— А если мужчина тебе не нравится?! Как ты можешь с ним спать?!

— Я не делаю из мухи слона. Я закрываю глаза и представляю того, кто мне нравится... Вот и весь секрет.

Я сморщилась.

— Это ужасно... — прошептала я.

— Не будь душой! Где ты еще заработаешь такие деньги? Всю жизнь хочешь перебиваться и жить от зарплаты до зарплаты? А у нас, между прочим, многие девочки еще и замуж выходят за своих клиентов... Каким еще способом ты можешь познакомиться с богатым мужчиной, который подарит тебе сказочную жизнь? Да никаким. — Немного помолчав, Лаура добавила, — Ладно, не грузись, — улыбнулась она. — Как только

почувствуешь вкус денег, тоска пройдет, и начнется новая жизнь. А сейчас тебе надо успокоиться, давай расслабимся, — предложила она и протянула мне под столом пакетик с белым порошком...

Марат позвонил мне только через неделю и пригласил на кастинг. Все-таки помимо эскорта и оказания состоятельным людям секс-услуг Марат афишировал свой притон в качестве модельного агентства, поэтому должен был поддерживать свою легенду, тем более заказчикам нравилось, что они спят не с какой-нибудь обычной шлюшкой, а с моделью, чье лицо сверкает на обложках журналов. Поэтому Марат старался пропихнуть нас на всевозможные показы и фотосъемки, за которые по сути мы практически ничего не получали, кроме морального удовлетворения и повышения собственной самооценки.

Я снималась для некоторых московских журналов, и моя популярность среди клиентов росла, а также росла и моя цена... В основном мне приходилось спать с клиентами, но были и такие, кому действительно было нужно только мое общество, чтобы продемонстрировать окружающим свою красивую подружку. Некоторые клиенты были нетрадиционной сексуальной ориентации: они хотели благодаря мне опровергнуть догадки окружающих, чтобы не потерять свою репутацию в определенных кругах. Попался один раз даже такой

заказчик, который запирался со мной в комнате на одной из вечеринок и заставлял меня громко стонать, словно мы занимались с ним бурным сексом, чтобы это слышали другие приглашенные гости. Было смешно... Но также были и такие, с которыми приходилось играть и делать вид, что я действительно получаю кайф от секса с ними... Только перед каждым таким заказом я принимала кокаин... Каждый раз... Для меня это стало нормой, и я уже не представляла, как можно жить без этого белого порошка... Я считала его другом, спасителем, но только со временем стала понимать, что это моя смерть...

Когда я скопила нужную сумму, я пришла к Марату и отдала деньги.

— Ты хочешь сказать, что ты уходишь? — усмехнулся Марат.

— Ухожу, — решительно заявила я и направилась к выходу.

— Ты вернешься, — спокойно произнес мужчина мне вслед.

Он знал, что я вернусь... Он знал, что такое кокаиновая ломка, он был в курсе, как это происходит и не раз наблюдал такое у своих девочек. Половина девчонок в модельном агентстве были зависимы от кокаина. Так же, как и я... Благодаря этому Марат манипулировал ими и был для них царь и Бог... Я только потом поняла, что

сделал со мной этот чертов белый порошок... Я это поняла после первой ломки...

Первые несколько дней я практически не спала и не ела... Я металась по квартире, меня стал раздражать каждый звук, меня бесил свет от окна, не говоря уже о лампе. Мысли в голове были перепутаны, я не могла думать ни о чем, кроме кокаина... Я стала искать деньги, чтобы приобрести хоть одну дорожку. Когда я нашла, у кого ее взять, он оказался безумно дорогим! Марат угощал нас этой дрянью даром... Я потратила все оставшиеся деньги на кокаин. Но чтобы успокоиться, мне оказалось мало этой дозы... Дело в том, что после повторного приема любого наркотика состояние кажется хуже, чем предшествующее состояние кайфа. И тебе хочется нюхать еще и еще, постоянно увеличивая дозу...

В тот день мне не хватило обычной кокаиновой дорожки... После совсем непродолжительного удовлетворения, меня стало раздирать на части, а в голове было только одно: «Мне нужно еще».

Я пришла к Марату и стала его умолять дать мне порошок... Он смеялся надо мной... Но на тот момент мне было все равно... Я думала только о дозе. Марат сказал, что бесплатный кокаин только для тех девочек, кто работает на него. А я на него уже не работаю, соответственно ничего не

получу... Я стала умолять вернуть меня на работу... Марат согласился и швырнул мне пакетик с коксом...

Мне кажется, в тот момент умерла настоящая «Я». А может быть, настоящая «Я» умерла еще тогда, когда я впервые попробовала кокаин... Теперь уже не могу сказать точно...

После этого я стала смиренной. Но я еще больше стала ненавидеть себя, свою жизнь и... Марата... Я хотела когда-нибудь все это закончить, но зависимость становилась все сильнее. Без порошка я вообще не могла. Марату перестало нравиться мое поведение и моя внешность.

Как-то раз я была дома и принимала кокаин. Тогда мне Марат дал большую дозу и отправил домой. Не знаю, в какой момент дверь взломали и в квартиру влетели менты... Я помню только, как я смеялась над всем этим под кайфом... А больше я ничего не помню... А вот потом была тюрьма... КПЗ и СИЗО...

Марат приходил ко мне на свиданку, говорил, что если я соглашусь лечь в клинику, он вытащит меня из тюрьмы. Но после клиники я должна буду какое-то время работать на него бесплатно, чтобы отработать все то, что он для меня сделает... И никакого кокаина. Я согласилась.

Я была уверена, что сам Марат и запихнул меня в тюрьму... Но доказывать ему что-то было

очень глупо. После нескольких месяцев в СИЗО меня выпустили на свободу. Марат положил меня еще на несколько месяцев в клинику, и я окончательно пришла в себя... И вернулась в агентство. Но работать без кокаина было очень тяжело... Когда я принимала кокаин, все происходило словно не со мной. А без порошка я все отчетливо соображала, и мне было жутко... Клиенты жаловались Марату, спрос на меня падал, Марат был недоволен... И как-то раз он продал меня извращенцу. Этот мужчина смотрел на меня и онанировал, пока я занималась сексом с двумя партнерами. Они практически изнасиловали меня, потому что когда я поняла, что к чему, я стала отказываться и звонить Марату. Но дозвонившись ему, услышала только, что я заслужила такой заказ и должна смириться. Двое парней набросились на меня. Я сначала сопротивлялась, а потом попросила, чтобы мне что-нибудь дали наркотическое. Они согласились и дали мне героин. После приема дозы я сделала все, что они от меня требовали. На следующий день я поехала к Марату в офис и взяла с собой нож. Увидев своего злейшего врага, я просто подошла к нему как можно ближе и пырнула его... Теперь я здесь... — закончила свой очень длинный монолог Люси.

Все время я слушала ее с открытым ртом,

представляя весь ужас ее жизни. Было ли мне ее жаль? Наверно, да... Неизвестно, что стало бы со мной, окажись я на ее месте...

— Ты жалеешь о том, что сделала? Ты все-таки убила человека... — глухо сказала я.

— Я убила нелюдя, — жестко произнесла Люси. — Я не жалею об этом... Я жалею только о том, как я это сделала... Надо было хорошенько подумать, прежде чем отправлять его в ад, чтобы не оказаться в таком месте... Раньше, когда я избавлялась от ненужных мне людей, мне не приходилось за это платить...

— Что? — не поняла я.

Люси перевела на меня свои глаза, от которых веяло холодом.

— Давай не будем об этом... Боюсь, как бы мои откровения по душам не добавили мне еще срока... Давай лучше о тебе поговорим...

Я кивнула и опустила вниз глаза...

— Я о себе уже все сказала... — проямлила я.

— Ты, я смотрю, совсем отчаялась.

— А ты нет?

— Нет. Жизнь — это борьба... С ней надо бороться, а не позорно сдаваться без боя!

— Но мы уже проиграли...

— Неправда, — возмутилась Люси. — Пока мы дышим, мы не имеем права считать себя

побежденными. По крайней мере, я не собираюсь сдаваться! Люди часто хоронят себя задолго до своей смерти. И это печально... Жизнь настолько непредсказуемая штука, что никогда не знаешь, что от нее ждать. Все может измениться за один день! Как в худшую, так и в лучшую сторону... Это как игра в рулетку! Но главное — никогда не сдаваться! Если ты дышишь, значит, у тебя еще есть фишки, и надо смело ставить их на кон. Знаешь, когда мне было четырнадцать и я жила с матерью-алкоголичкой в заброшенном неотапливаемом доме, я и представить себе не могла, что когда-нибудь я уеду в Москву и вырвусь из нищеты... Что мое лицо будет сверкать на обложках глянцевого журнала и меня будет окружать куча богатых мужиков, готовые отдать огромные деньги только за одну ночь со мной... Конечно, я так же не думала, чем мне придется за все это платить... У медали обычно две стороны... Но суть не меняется... Жизнь — штука безумно непредсказуемая. Ее нельзя предугадать... Это просто невозможно, черт побери!

Я смотрела на нее и просто не понимала: как в такой ситуации можно не падать духом и размышлять о жизни, как о сюрпризе на Рождество? Ведь навряд ли ты ожидаешь, что в Рождественскую ночь можешь обнаружить в подарочной упаковке какой-нибудь тухлый

помидор вместо флакончика с любимой туалетной водой... А жизнь — она такая... Она подбрасывает нам тухлые помидоры, когда мы меньше всего этого ждем...

— Конечно, многое в этой жизни зависит от нас самих... Когда я сама шла по головам и избавлялась от ненужных мне людей, я заплатила за это встречей с этим дьяволом — Маратом, который так просто погубил мою жизнь... Да... Это была расплата... — задумчиво произнесла Люси. — Моя тетка никогда меня не любила, относила меня к разряду уличной шпаны, называла малолетней шлюхой, хотя на тот момент я была чиста и невинна, как капля росы на траве... Она говорила мне, что рано или поздно я пойду по стопам своей матери и буду прикладываться к бутылке. Тыкала меня плохими генами... Чертова сука... — со злостью прошипела Люси, а затем с усмешкой добавила, — Царство ей небесное. Но все когда-то воздается по заслугам. Я не верила в нашего Господа Бога и не желала ждать, когда он накажет человека, я делала это сама и без промедлений, чтобы он знал за что и почему. Я думала, это гораздо справедливей... Поэтому и настало царство небесное этой старой карге, если оно есть... — Люси говорила как-то отстраненно, будто сама с собой.

Я посмотрела на нее и округлила глаза.

— Ты что... Убила ее?... — еле слышно прошептала я.

— Зачем же так сразу — «убила»?... — Люси перевела на меня взгляд. — Не нравится мне это слово... Я просто поспособствовала ускорению ее перехода в лучший мир, — улыбка Люси больше напоминала оскал.

Я вздрогнула.

— Не будь таким нежным цветочком, Жанна. Наш мир таков: если ты сама за себя не постоишь, никто за тебя не постоит. Будешь слабой и всепрощающей — твои враги будут танцевать на твоей могиле. Поэтому я лучше станцую на их, чем они на моей! И я советую тебе не быть такой изнеженной и следовать моему примеру... Ведь жизнь у нас одна! И только тебе выбирать, кем ты в ней будешь: тряпкой, об которую все, кому не лень, обтирают ноги или бетонной стеной, об которую расшибают лоб! Я предпочитаю второе. И ничто меня не сломит... Ни то, в кого превратил меня Марат, ни это чертово место... Я буду бороться...

— Это не так-то легко. Мои попытки отомстить и воскресить справедливость обернулись для меня унижением, отчаяньем и... тюрьмой...

— Ты тоже сама во всем виновата. Помимо желаний мести и справедливости нужно еще включать мозги. Ты уперлась как баран в свою справедливость, опираясь на старые стереотипы,

видимо, привитые тебе с детства. Может быть, такие как «добро побеждает зло» и все такое в том же духе. Но ты забыла, что ты живешь в реальном мире, сказки рано или поздно заканчиваются, и нос к носу встречаешься с суровой действительностью. Для того, чтобы победить, нужно быть гибкой, а не биться лбом в закрытую дверь. Таким способом можно только расшибить лоб, а дверь не откроется. Нужно иметь гибкое мышление. Нужно видеть ситуацию со всех сторон. И если не можешь победить соперника силой, нужно проявлять смекалку и искать другие пути для победы. Да и кто ты такая, чтобы бороться с мафией? Кого ты из себя возомнила? Нужно реально оценивать свои возможности и способности...

— Ну и какой же тогда у меня был вариант, чтобы отомстить и восстановить справедливость?! — в сердцах воскликнула я.

— Справедливости вообще нет, — фыркнула Люси. — А вот отомстить можно было. Уверена, есть масса вариантов. Просто об этом надо было думать. А ты этого не умеешь... Но ничего, — усмехнулась Люси, — самый хороший в жизни учитель — это опыт. Берет, конечно, дорого, но объясняет доходчиво. Я думаю, это место тебе не зря дано... Говорят, тюрьма многому учит...

— Тюрьма учит? Интересно, чему же? Как не сойти с ума и не покончить жизнь самоубийством,

когда этого так сильно хочется?

— Ну это уже тебе решать... Может, тебя она именно этому и научит... А если ты сделаешь другой выбор, то можешь приобрести бесценный опыт. Выдержав все это, ты будешь гораздо сильнее, ты можешь многое для себя понять... А времени подумать здесь будет предостаточно, ты уж поверь... Тюрьма — это место, где недостаток пространства компенсируется избытком свободного времени...

— В таком ограниченном пространстве избыток свободного времени ни к чему... — горько хмыкнула я. — Люси... Ты и вправду убила... свою тетю? — как можно тише спросила я, — Как ты смогла такое совершить?

— А ты бы смогла убить эту Ларису и ее отца?

— Я не знаю...

— Поверь мне, была бы возможность — ты бы смогла... Ненависть и гнев напрочь отключают другие чувства и эмоции... Тетка не давала мне жить, она постоянно издевалась надо мной, могла отлупить меня ремнем, на котором были железные клепки... А я ничего не могла с этим сделать, потому что жила у нее дома. Мне некуда было уйти и не на что было жить. Когда я отправила ее к своим прабабкам, я словно наконец стала дышать.

— Как ты смогла... избежать тюрьмы?...

— Я стала подмешивать ей в еду яд в очень маленьких пропорциях... — бесстрастно говорила девушка, — и он стал убивать ее постепенно... Медленно-медленно разрушая ее внутренние органы... Пока в конце концов она не заболела раком. Ее организм сгорел, как спичка...

Мне стало не по себе от этого разговора, я поежилась и скрестила руки на груди.

— Ты очень жестокая... — не выдержала я.

— Это мир жестокий, и я только ему соответствую, как его родное дитя, — сквозь зубы проговорила Люси. — Меня воспитала мать-алкоголичка. Кроме жестокости и нищеты я ничего тогда в своей жизни не видела. И по твоему мнению, я должна была вырасти доброй девчушкой с чистым сердцем и светлой душой?! Я отношусь к людям так, как они того заслуживают... Я отдаю всегда в двукратном размере. Если человек отнесется ко мне хорошо, то я оценю это и отплачу тем же вдвойне, а если плохо... — Люси не договорила, а просто посмотрела на меня в упор пронзительным взглядом. Я не выдержала его и опустила вниз глаза.

— Где ты достала яд? — вдруг спросила я.

— Моя мать когда-то была химиком. Она работала в научной лаборатории. До того, как спилась. А спилась она из-за мужчин... Запомни, Жанн, никогда не позволяй мужчине занимать в

твоей жизни главную роль! Они того не стоят! Это они должны быть у нас в ногах, а не мы у них! Мне кажется, все несчастья из-за них... У них природа такая: разрушать жизни женщин...

— Да я и не собиралась больше никого из них к себе подпускать... Я давно решила для себя, что мне это не нужно...

— Ты лесби, что ли?

— Нет, что ты! — тут же смутилась я и покраснела до кончиков ушей, как помидор.

— Ладно, не в этом суть, — усмехнулась она и продолжила, — Мой отец ушел от нас к другой женщине, — продолжала Люси, — и после этого она встретила другого мужчину... Он переехал к нам. Через какое-то время он стал пить... Затем он начал поднимать руку на мою мать и приставать ко мне. Я не знаю, как долго бы это продолжалось... Моя мать перестала ходить на работу, потому что была постоянно в синяках. А затем и вовсе запила... И после очередных побоев она решила избавиться от него своим методом. Благодаря своим познаниям в химии она сделала такой препарат, который убивает организм постепенно при его употреблении в течении некоторого времени. И у экспертизы на вскрытии не возникает сомнений, что человек умер своей смертью. Так она и покончила с моим отчимом... А рецепт она передала мне... На всякий случай, если мне тоже на

моем пути когда-нибудь встретится такой же козел...

— Да уж... Заботливая мама, — пробормотала я.

— Была когда-то заботливой, пока не спилась окончательно, — как ни в чем не бывало произнесла Люси. — Потом, когда она допилась до ручки, я решила на ней испробовать ее же зелье... И успешно. Никто ни о чем не догадался.

— Ты убила собственную мать?...

— Она уже все равно была не жилец... Ее убила не я, а водка... Моя настоящая мать умерла давно, задолго до того как я подсыпала ей эту отраву. Смотрела фильм про зомби? Когда человек превращается в зомби, это уже не твой брат, друг или просто знакомый, это — зомби, и его надо мочить... Вот так и моя мать... Она уже ничего не соображала и не видела ничего, кроме бутылки, и я просто освободила ее, потому что она мучила не только меня, но и себя...

Мое сердце сжалось. Я не знала, как относиться к своей новой знакомой и стоило ли с ней продолжать общение после всего того, что я услышала. Но других вариантов у меня не было...Быть одиночкой и мучиться от душераздирающих собственных мыслей меня несколько не прельщало. Да и вообще, могла ли я ее судить... Никто не знает, что со мной сделает

тюрьма и каким я человеком отсюда выйду. Возможно, ничем не лучше, чем эта Люси...

— Ты знаешь, Жанна, я отношусь к жизни, как к полосе препятствий... — говорила она. — Если нет препятствий — это не жизнь... Я как личность пропадала, когда была зависимой... Но сейчас я все прекрасно соображаю и хочу вернуть себя и свое «Я». И я не боюсь тюрьмы... Самое страшное я уже прошла. Теперь мне кажется, что я не боюсь ничего...

— Первый раз встречаю человека с такими взглядами на жизнь... — проямлила я.

— Ты тут и не таких еще повстречаешь...

На этом наш долгий разговор с Люси был закончен.

Считала ли я ее плохим человеком? Была ли она мне противна после всего, что я о ней узнала? Мои стереотипы рушились так же, как и моя жизнь... И мне становилось страшно от того, что же я буду думать завтра? Каким я человеком буду или стану из-за воздействия места и людей, с которыми я нахожусь? Люси была наркоманкой и элитной проституткой... Убийцей... Раньше бы я поморщила нос от такого сорта людей и в жизни бы не стала даже общаться с ними. А сейчас я не испытываю и капли отвращения... Мир словно перевернулся для меня раз и навсегда...

Глава 5

С отстойника нас перевели в общую камеру. Все было как во сне...

В так называемой «хате» было много женщин... Наверно, около двадцати человек... Я была с Люси... Как я рада, что все это время я была с Люси, иначе бы я просто сошла с ума.

— Нужно быть крайне осторожными, — шепнула она мне, — В женском СИЗО нет понятий, здесь творится беспредел. Здесь могут порезать, побить и даже убить по причине и без. Семьдесят процентов сидящих в СИЗО — это убийцы-бытовушницы. И только остальные тридцать процентов сидят за грабёж, хулиганку и наркотики...

По моему телу пошли мурашки.

Мы заняли свободные шконки. Я легла и уткнулась носом в подушку, чтобы никто не видел моего лица. Чтобы никто не понял, что мне страшно...

В камере все перешёптывались. Видимо, наше с Люси появление вызвало интерес.

Я почувствовала, как кто-то тыкнул меня в бок.

— Курить есть? — спросила меня прокуренным голосом тучная женщина лет сорока. Ее взгляд был таким, словно она была готова в

любую минуту наброситься на меня.

— Не курю... — ответила я.

— Не куришь, говоришь? А от самой-то душком сигаретным прет...

— На меня дымили...

— А может, ты просто сука жадная?

Я вжалась.

— Не курю... — еще раз повторила я.

Женщина вдруг развернулась и ушла от меня прочь.

Я с облегчением вздохнула, но не тут-то было. Эта тучная баба вновь вернулась ко мне, держа в руках какое-то грязное белье.

— Как звать тебя? — спросила она.

— Жанна...

— Как-как?

— Жанна, — еще раз повторила я более громко.

— Жаба? — переспросила она и заржала на всю камеру.

Ее поддержало несколько сокамерниц.

Женщина явно издевалась надо мной и нарывалась на конфликт. Я еще больше съежилась и сжала кулаки.

— Ладно, не нервничай, девка. Вижу, ты совсем малая еще. Знаешь, что старших надо уважать и слушаться? — спросила она.

Я кивнула.

— Я тут тебе бельишко принесла: постираешь, высушишь и мне отдашь. Поняла?

Женщина кинула мне свое грязное белье.

Я смотрела на нее и понимала: что либо я сейчас вступлюсь за себя, либо навсегда буду шестеркой, об которую все, кому не лень, будут вытирать ноги. Женщина была полной и гораздо превосходила меня в физическом плане. Возможно, ее один удар может запросто вышибить мне мозги. Но поддаваться страху было нельзя. Я должна была выдержать... Будь что будет.

— Я не буду этого делать... — еле слышно произнесла я.

— Малая, ты что-то не расслышала? Я тебе сказала: постираешь, высушишь и отдашь, — почти прокричала она грозным голосом.

Я спихнула ее белье со своей шконки.

— Я не буду этого делать, — вновь сказала я.

— Ах ты мерзкая тварь! — завопила она и набросилась на меня.

Она сильно вцепилась мне в волосы, я стала кричать и стараться вырваться из ее цепких рук, но у меня ничего не выходило. Женщина была гораздо сильнее меня. — Сука!!! — кричала она, пытаюсь расцарапать мне лицо.

— Отстань от нее!!! — услышала я голос Люси.

Люси попыталась оттащить эту

сумасшедшую, и началась большая потасовка, потому что в нашу «разборку» подключились еще несколько сокамерниц. Видимо, кто-то вступился за нас. И я уже не понимала, кто с кем бьется и за что...

Затем дверь открылась, забежали конвойные. Нас всех растащили.

Меня подняли с пола и куда-то увели... Наверно, это был медпункт...

— Как это произошло? — обрабатывая мои многочисленные раны, безразличным, но довольно грозным голосом спросила медсестра.

— Упала... — тихо ответила я.

Медсестра тут же скривилась в усмешке и продолжила свою работу.

Я имела мало информации о тюрьме, прежде чем сюда попасть, но я точно знала одно: «стукачить» нельзя... Иначе у меня просто нет шансов выжить...

Женщина, которая набросилась на меня, в драке рассекла мне бровь. Так странно, но тогда я даже не чувствовала боли... Боль стала чувствоваться только теперь, но она меня мало волновала... Теперь меня беспокоила только моя жизнь... Я вдруг поняла, что дико хочу жить! Я очень хочу выйти отсюда живой...

Меня привели обратно в камеру. Дверь закрылась, и я вернулась к своей шконке.

Ко мне тут же подошла Люси.

— Как ты? — спросила она обеспокоенным голосом.

— Нормально... — как-то хрипло ответила я. Во рту все пересохло.

К нам подошла пожилая тетка. На вид обычная бабуля, но что-то мне подсказывало, что это не так...

— Все хорошо... — прошептала Люси, чувствуя, как я напряглась.

— Как зовут тебя? — спросила женщина.

— Жанна... — ответила я, стараясь скрыть свою нервозность, но отрывистый голос меня выдавал.

— Меня зовут Матильда. С Люси я уже познакомилась.

— Матильда помогла нам на стычке... — пояснила Люси, — И она принимает нас в свою семью...

Тогда я еще не понимала, что это значило. И мой на тот момент воспаленный разум сначала истолковал это неправильно. Я подумала, что эта сумасшедшая бабуля решила нас удочерить. Несмотря на странность предложения, я тогда была согласна на все, лишь бы получить еще какую-нибудь поддержку со стороны, чтобы иметь возможность дать отпор недоброжелателям. А эта тетя внушала трепет. Была в ее глазах какая-то

неудержимая сила и твердость. Уже после я узнала, что в женских тюрьмах живут «семьями». «Семьей» называли группу сокамерниц, внутри которой все поддерживали друг друга как могли.

Матильда, приняв нас в свою семью, дала нам огромную поддержку, без которой нам было бы очень трудно выжить в суровых тюремных условиях. Здесь молодых и красивых обычно старались сразу унизить и опустить на самое дно. Вообще, оказалось, что чисто женское общество гораздо суровее и жестче мужского. В женщинах было много зависти, раздражительности, злобы, желание склок и сплетен... А все потому, что у слабого пола более сложная и утонченная душевная организация, которая не выдерживала таких жестких условий и грубого обращения. Психологическое состояние давало сбой, и негатив, раздражение и гнев выплескивались здесь со всех сторон. Состояние так называемого предменструального синдрома здесь увеличивалось как минимум вдвое, что, на мой взгляд, делало тюремную жизнь более опасной и невыносимой... Попытки суицида и убийства здесь не были редкостью...

Если бы не Матильда, то, возможно, мое времяпровождение в СИЗО закончилось бы более плачевно.

Наша «спасительница» Матильда обладала

довольно высоким ростом для женщины, крупными формами и темными, чуть поредевшими волосами, которые были почти всегда заплетены в нехитрую кулю. На вид ей было около пятидесяти пяти — шестидесяти лет. Из-за ее черных густых бровей, которые никогда не знали пинцета, ее взгляд казался суровым и тяжелым. Матильду еще называли «Черной Мамочкой». Она была вдовой известного криминального авторитета. Когда ее мужа убили, она взяла его дела в свои руки и даже управляла одной из преступных группировок Москвы, в которой со временем стали преобладать женщины, потому что большинство мужчин отказывались подчиняться Матильде из-за ее принадлежности к слабому полу. Законы в криминальном мире были строги, и женщине было очень сложно или практически невозможно выбиться в лидеры. Но Матильда имела поистине волевой характер и трудностей не боялась, считая, что без них жизнь была бы намного скучней... С помощью оставшейся после мужа власти она все же смогла отыскать убийцу своего покойного супруга и жестоко расправиться с ним, тем самым укрепив свой авторитет среди криминальных кругов. Черная Мамочка мотала не один срок, поэтому она знала все законы тюрьмы и была в ней как рыба в воде. Матильду обвиняли в мошенничестве особо крупного размера. Соответственно, благодаря

своему привилегированному положению в таких местах, Матильда была главной в камере, с чем нам несказанно повезло. Быть в ее семье уже значило превосходить многих сокамерниц. Но мы с Люси знали, что рано или поздно нам придется за это платить. Рано или поздно Матильда потребует должок... А вот что ей может понадобиться от нас, никто еще не догадывался...

Время стало тянуться... Постепенно я привыкала к тюремной жизни и с ужасом ждала суда. Постоянные допросы, давление следователей... Я очень устала от этого, но держалась... Держалась из последних сил... Я знала, что меня посадят. У меня не было денег на хороших адвокатов, у меня практически не было никакой поддержки с воли... Только Светка, которая регулярно возила мне передачи, плакала на коротких встречах и постоянно писала письма, которые, как мне казалось, были просто пропитаны ее слезами... Больше всего на свете я ценила ее дружбу. Это была настоящая бескорыстная преданная дружба, дороже золота и дороже всего на свете.

Ко мне как-то приезжала мама... Но я отказалась видеться с ней... Слишком больно... Прости, мама, но это было выше моих сил... Видеть твои слезы и понимать, что причина твоих новых морщинок на лице — именно я. Я не смогу этого

вынести... Просто не смогу... Я не хочу, чтобы ты видела меня настолько худой, бледной, с безжизненными потухшими глазами... Хватит страданий с тебя... Хватит...

* * *

Суд. У меня дрожат руки и сильно кружится голова. Я никак не могу избавиться от волнения. И я почему-то до последнего верю, что сегодня все кошмары закончатся, что с меня снимут наручники, и я отправлюсь домой к маме... Почему я в это верю? Потому что так и должно быть... Я ведь ни в чем не виновата... Почти ни в чем... И этот страшный сон должен закончиться...

Но от слов судьи мне становится плохо, и я чувствую, как мир словно растворяется перед глазами. В голове эхом отзывается: «Признать виновной...»

Я падаю в обморок.

Меня осудили на шесть лет в колонии строго режима... Шесть лет...

Глава 6

Что такое тюрьма? Тюрьма — это место, где мы показываем свое истинное лицо... Тюрьма — это испытание... Тюрьма — это ломка стереотипов, там ты начинаешь жить заново... другой жизнью...

Первый год в тюремном лагере был самым тяжелым, потом стало проще. Когда ты оказываешься в чисто женском коллективе, в результате начинаешь по-другому мыслить, иначе себя чувствовать, становишься намного гибче, увереннее, агрессивнее... Наверно, со временем я приобрела более мужские черты характера. Я научилась отстаивать собственные интересы. Я привыкла к определенным понятиям, к людям, к неписанным тюремным законам.

Мне повезло — все это время я была с Люси. Мы были с ней не разлей вода, всегда держались вместе, защищая и поддерживая друг друга во всем. Люси получила пять лет. Я поражалась нашим странным законам... За наркотики и разбой в нашей стране карали больше, чем за убийство... Какой бред... Иной раз мне приходила глупая мысль в голову, что лучше бы я кого-нибудь убила... По крайней мере, не было бы так обидно... Но я всегда гнала эту мысль прочь, стараясь не думать о справедливости в этом мире... Я приняла для себя решение, что отныне я не буду себя жалеть, я не

хочу быть жертвой, я буду сильной и все выдержу. И если уж так получилось, что я нахожусь здесь, в этом жутком месте, значит, это мой путь и мне надо его пройти во что бы то ни стало, извлечь уроки и приобрести тот жизненный опыт, который мне, как посчитал кто-то сверху, был необходим...

Люси со временем стала занимать пост «смотрящей». Она смотрела за порядком, к ней обращались за советом, она решала многие вопросы. Во многом нам помогала Матильда, хоть и не сидела с нами (этап направил ее в другое место). Эта пожилая дама имела сильный авторитет и связывалась с нами через сотрудниц зоны. Да-да, оказалось, многие сотрудники полиции имели довольно тесные контакты с заключенными, конечно, за определенную сумму денег или помощь на воле. Матильда была не простой старушкой: несмотря на то, что она находилась в тюрьме, она абсолютно без каких-либо проблем управляла делами, которые происходили за колючей проволокой. Сидя в тюрьме, она правила целой криминальной группировкой.

Конечно, наши с Люси возможности кардинально отличались от жизни Матильды. Но никто из нас не жаловался, со временем в таких условиях отлично закаляется характер, и все жизненные передряги ты воспринимаешь абсолютно спокойно... Ведь всегда знаешь, что

есть те, кому гораздо хуже... И ты всегда благодаришь Бога, что ты еще не на их месте...

Когда ты находишься на зоне, каждый год длится как два, и многие теряются во времени, и уже кажется, что твой срок просто резиновый, и конец ему никогда не придет. Это довольно страшно, и кажется, что вся твоя жизнь проходит в неволе, как будто другой жизни ты никогда и не знал.

На протяжении всего этого времени нас с Люси поддерживала Матильда, она контролировала все, что происходило у нас... Мы были ее любимцами. И однажды мы получили звонок. Матильда сообщила нам, что приехал этап, и через два дня она будет у нас.

Мы внутренне подготовились к этой встрече.

Мы знали, что что-то изменится после ее приезда. Это волновало нас обеих... Но того, что она нам сказала, мы никак не ожидали...

— Девочки мои, не ровен час и подойдет время, когда можно будет выйти по УДО. Пока это касается только Люси, и мои адвокаты вплотную занялись ее освобождением... Я отдаю немалые деньги. Так что, думаю, Люси скоро выйдет отсюда, — заявила она. — Жанна, с тобой придется повременить, срок у тебя больше... По УДО тебя пока не отпустят... А вот время Люси пришло. Она здесь долго не задержится.

Мое сердце замерло. «От звонка до звонка» (так называли срок тюремного заключения) мне еще оставалось сидеть около трех лет, а Люси на год меньше... У меня и в мыслях не было, что я могу остаться без Люси и отсиживать последние почти три года в одиночестве. Конечно, я была рада возможности Люси выйти по УДО, но все равно внутри меня съедала горечь потери.

— Ты думаешь, меня могут выпустить? — округлив глаза, спросила подруга.

— Я способствую этому, — спокойным голосом проговорила Матильда. — Вы нужны мне, девочки мои... Вы нужны мне там. Люси, ты будешь работать на меня. Примерно через год я попытаюсь вытащить Жанну. Вы вновь будете вместе.

Мы с Люси переглянулись. Выбора у нас все равно не было. Отказаться от такого бесценного подарка от Матильды было глупо, да уже и невозможно... Хотя, конечно, то, что могло от нас потребоваться, меня пугало... Но не меньше, чем провести в тюрьме весь полученный срок. Одна мысль о свободе кружила голову...

Несмотря на то, что мое освобождение через год для меня было каким-то призрачным, этот день для меня прошел в какой-то эйфории... Я засыпала с улыбкой на лице, как какая-то сумасшедшая.

— Я выйду отсюда... Остался всего один год,

а не три... — твердила я.

— Мы выйдем! — поддержала меня Люси.

Я, ни слова не говоря, обняла ее и всхлипнула. Она в свою очередь тоже прижалась ко мне и погладила меня по голове.

— Все будет хорошо... — шептала она. — Нам повезло...

Я немного отстранилась от нее и заглянула в глаза.

— Как ты думаешь, что будет после того, как мы выйдем?...

— Мы будем работать на мафию...

— Ты так спокойно об этом говоришь...

— Я была давно готова к этому. Это лучше, чем выйти и прозябать в нищете.

— А вдруг Матильда хочет сделать из нас каких-нибудь проституток?...

— Она бы не стала так заморачиваться, чтобы вытягивать нас отсюда ради такой работы... Нас ждет нечто более крупное... — глаза Люси засверкали.

— Но я не хочу работать на мафию... Я не хочу в это ввязываться...

— Хочу, не хочу — выбора нет!

Я тяжело вздохнула.

— Жанна, если ты не можешь изменить ситуацию, измени отношение к ней! Оптимист даже на кладбище видит одни плюсы, — решила

пошутить Люси. — А у нас есть все причины для радости! Я благодарна Матильде и хочу отплатить ей тем же! Она спасает нас от этого опостылевшего места! Пусть и не бескорыстно, но, как говорится, за все надо платить... Так мы заплатим...

— Лишь бы эта плата не обошлась нам слишком дорого...

Через месяц Люси объявили, что она свободна.

— Мне просто не верится! — восклицала она. — Я буду на свободе! Боже, Жанна, мне кажется, это сон!

— Мне тоже кажется это просто сном... — пробормотала я, думая о том, что мое время еще не подошло, и мне придется еще целый год обходиться без Люси. Я так привыкла к ней, я считала ее своей сестрой и лучшей подругой...

Люси словно прочитала мои мысли:

— Не переживай, подруга, — она похлопала меня по плечу, — Год пролетит незаметно...

— А вдруг меня не выпустят через год? Вдруг у Матильды не получится?

— Раз Матильда сказала, что тебя выпустят, значит, выпустят! — приободрила меня Люси. — Матильда просто так ничего не говорит, сама знаешь, она отвечает за свои слова.

— Знаю... — тяжело вздохнула я. — Просто

сейчас я даже и представить не могу, как я буду без тебя... целый год...

— Ничего, справишься! — подмигнула мне Люси, — Год — это не так долго! Как раз я там разберусь, что к чему, освоюсь, и всю полученную информацию в самом легкоусвояемом виде передам тебе! Можно сказать, что тебе даже повезло, что я выхожу раньше: попадешь на все готовенькое!

Я только усмехнулась.

— Люси, я привязалась к тебе, как к родной сестре... Я вроде радоваться должна, а меня раздрает на части, что я тебя так долго не увижу...

Люси ласково посмотрела на меня и, улыбнувшись, прижала к себе. Мы крепко-крепко обнялись.

— Эгоистичная у тебя любовь, — всхлипнула она и, вытерев рукавом накотившие слезы, рассмеялась. Я не сдержалась и последовала ее примеру. Мы смеялись и плакали одновременно, обнимались и целовались, словно видели друг друга в последний раз.

— Я люблю тебя, Жанка, — говорила Люси.

— И я тебя...

В наш разговор вмешалась Галка. Галка была в нашей семье с самого начала. Она была близко знакома с Матильдой, но почему-то не так была жалована ее вниманием и заботой, как мы, отчего и постоянно злилась и обдавала нас холодным

недружелюбным взглядом. Галка давно нарывалась на стычку с нами, но разборки внутри семьи были строго запрещены, иначе карались изгнанием из нее... А оставаться без семьи значило остаться без защиты, а это было чревато серьезными последствиями. Какие-то неверные действия или чей-то необоснованный наезд со стороны — и можно было запросто угодить в самую низшую касту, в категорию «опущенные»... А те, кто в нее попадает, до самого последнего дня в тюрьме будут подвергаться насилию и различным унижениям, не считая того, что до конца придется драить сортиры и делать всю оставшуюся грязную работу. С «опущенными» никто не общался и не поддерживал никаких отношений. Обычно в эту категорию сразу попадали женщины, севшие по статье за детоубийство и убийство родителей. Эти статьи в женских тюрьмах считались самими позорными, и их обладателей наказывали за это крайне жестоко... Я видела, как при мне чуть не до смерти избili цыганку, которая убила своего новорожденного ребенка, скинув его с балкона. То, что сделали с этой цыганкой, вызвало у меня, на тот момент отсидевшей всего пару месяцев, глубокий ужас... Сначала ее описали... И состригли ей волосы... Этот ритуал причислял заключенную к касте «опущенные»... Низко, мерзко, жестоко... Но это тюрьма... Здесь свои законы, пусть они и доходят

до идиотизма, но все же с ними приходится мириться... Затем цыганку избили чуть ли не всем бараком... Я была безмолвным наблюдателем, вмешиваться я не имела никакого права, иначе могла оказаться на ее месте. Конечно, я не спорю, что эта женщина заслуживала наказание за свой поступок... Но то, что с ней сделали, было крайне жестоко... Я думала, она просто не выживет... Но нет, выкарабкалась, попала в госпиталь, там ее поставили на ноги и опять вернули к нам. Администрация закрыла глаза на это происшествие, и я поняла, что женская тюрьма — это настоящий беспредел. Здесь царят только тюремные законы, и если тебя убьют, то никому до этого не будет никакого дела... Хотя какого черта, и на воле так же... Ментам главное закрыть дело, они могут посадить в тюрьму совершенно невиновного человека и забыть о нем на следующий же день... Мир суров, и надо было как-то к этому адаптироваться и стараться подминать его под себя, а не прогибаться под него... В тюрьме самое главное — не попасть в касту «опущенных», а со всем остальным можно было как-то справиться. А ведь в «опущенные» можно было попасть и по «беспределу»... Я видела немало таких обычных девчонок, которых просто притесняли более сильные и наглые арестантки. Мы не раз с Люси заступались за них и брали в свою семью, но,

правда, далеко не всех... Мы заступались только за тех, кто действительно нам был симпатичен. Так в нашей семье появилась Наташа. Совсем юная блондинка с кошачьими глазами и маленьким носиком... Она выглядела как измученный котенок, когда на нее стала наезжать Галка. Галка — баба бойкая, по происхождению татарка, она обладала крепким телосложением с цепкими сильными руками. Она стала притеснять бедную девчонку... Я не помню, что она от нее хотела. То ли склоняла ее на секс (Галка была активной лесбиянкой), то ли заставляла ее что-то сделать... В общем, впряглись мы за эту девчонку и не пожалели. Милая девочка с кошачьими глазами была очень добродушной и безотказной, мне она очень нравилась, и мы могли ей доверять. Хотя девчонка была далеко не святой, какой казалась на первый взгляд... Она была бывшей элитной проституткой. Сначала ее заставила работать мафия, а потом она привыкла, почувствовала вкус денег и окончательно втянулась, даже уже не пробуя освободиться. Но как-то один из ее клиентов оказался извращенцем. Сопrotивляясь, она разбила об его голову бутылку с шампанским, и клиент, потеряв сознание, умер. Вот такая печальная у нее была история... Мне было ее очень жаль, но чем смогла, я ей помогла. Тем самым еще больше разозлила Галку, которая и так меня недолюбливала... Ну, что поделать, я

всегда поступаю по велению сердца и считаю это правильным. Я пользуюсь той частью сердца, которая еще не обратилась во мрак, став холодной и бесчувственной, и это меня несомненно радовало... Это говорило о том, что я была еще жива и способна на жалость и какое-то благородство...

— Развели тут какие-то сопли... — прошипела на нас Галка, видя, как мы обнимаемся и признаемся друг другу в любви.

— А тебе-то что, завидно, что ли? — злобно окликнула ее я.

— Чему тут завидовать?

— Тому, что у нас настоящая дружба, и скоро, между прочим, Люси окажется на свободе! А тебе еще лет пять тут сидеть, — съязвила я.

— Что? Какого черта?!

— О нас позаботилась наша Черная Мамочка, — улыbnулась Люси и обнажила свои белоснежные зубы, которые нисколько не испортились за время пребывания в таком месте, потому что мы с Люси категорически отказались от «чифира» — сильно крепко заваренного чая, который так сильно портил зубы, но был очень популярным в колонии.

Галка прикусила губы, сильно сжала кулаки, но ничего не сказала.

Мы просто пожали плечами и перестали обращать на нее внимание.

Когда Люси покинула стены тюрьмы и минула этот колючий забор, я долго плакала, лежа у себя на кровати. Я уже чувствовала, как мне ее чертовски не хватает... Три года бок об бок, а сейчас только чувство пустоты и какого-то внутреннего страха, ведь насчет моего освобождения все было призрачным и туманным...

— Не переживай, малышка, — успокаивала меня Черная Мамочка, — я позабочусь о тебе, не бойся, все будет хорошо.

— Матильда... А что будет, когда я выйду отсюда? — задала я вопрос, который волновал меня не меньше.

Женщина свела брови и посмотрела на меня в упор. Я поежилась от такого взгляда.

— Ты боишься? — спросила она.

— Даже не знаю... — ответила я. — Наверно... Человека всегда пугает неизвестность... На то наша природа...

— Ты права, моя дорогая... Но я не хочу, чтобы ты боялась. Тебе совершенно нечего бояться. Я изначально вас взяла под свою опеку и несу некоторую ответственность за вашу жизнь. Я бы не спасала вас еще тогда в СИЗО для того, чтобы просто затянуть в очередное дерьмо. Жанна, чего бы ты хотела от жизни? — вдруг спросила Черная Мамочка. — Как бы ты хотела жить?